

ГЕРОИЧЕСКОЕ
ПРОШАЛО
НАШЕЙ
РОДИНЫ

В. Н. БАЛЯЗИН

Штурм
КЕНИГСБЕРГА

9(с) 273

<http://prussia.online>

Б 21

В. Н. БАЛЯЗИН

**Ш Т У Р М
К Е Н И Г С Б Е Р Г А**

— 143163 —

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

МОСКВА — 1964

Брошюра написана на основе документальных материалов и представляет собой краткий популярный очерк о боях советских войск за город-крепость Кенигсберг — один из крупнейших политических и административных центров Германии.

Гарнизон Кенигсберга насчитывал около 130 тыс. солдат и офицеров и имел до 4 тыс. орудий, минометов и более 100 танков. На подступах к городу было два оборонительных обвода, включавших в себя 15 больших внешних фортов (49 артиллерийских батарей и более 100 пулеметных точек) и 12 внутренних фортов. Гитлер приказал удержать Кенигсберг любой ценой.

В брошюре показано, как войска 3-го Белорусского фронта за четыре дня овладели Кенигсбергом, разгромив его гарнизон. На конкретных и поучительных примерах автор раскрывает массовый героизм и высокое мастерство советских солдат, сержантов, офицеров и генералов.

Брошюра написана популярным языком и рассчитана на широкий круг читателей, в первую очередь на армейскую и гражданскую молодежь.

ВВЕДЕНИЕ

Около четырех часов утра 22 июня 1941 г. пограничные пикеты, расположенные на восточном берегу Немана, вдоль государственной границы Советского Союза с Германией, заметили множество разноцветных огоньков, плывущих в темном предрассветном небе. Еще через несколько мгновений над головами пограничников с гулом пронеслись десятки черных машин с ярко светящимися сигнальными огнями. Вслед за этим в глубине приграничной территории раздался грохот бомбовых разрывов и на горизонте выросли всполохи пожаров...

В то время как пограничники по команде «В ружье!» занимали первые рубежи войны, на всем протяжении границы глухо задрожала земля от разрывов десятков тысяч снарядов и ревущие колонны танков ринулись на территорию нашей страны.

Три танковых клина ворвались утром 22 июня на нашу землю. Одним из них была группа армий «Север». Она двигалась с территории немецкой провинции Восточная Пруссия, расположенной непосредственно у советской границы. В состав группы входило 29 танковых и пехотных дивизий. Эти

дивизии должны были разгромить советские войска в Прибалтике, выйти к Ленинграду и захватить его совместно с подвижными соединениями группы армий «Центр».

Утром 22 июня группа «Север», прорвав оборону героически сражавшихся пограничников, ринулась на восток. Советские войска оказывали ей сильное сопротивление. Так, уже 23 июня 41-му танковому корпусу преградила путь у литовского города Шауляй танковая дивизия полковника И. Д. Черняховского.

Несколько дней дралась дивизия Черняховского против врага, многократно превосходившего ее в живой силе и технике. И лишь получив приказ командования, она отошла на восток, сохранив порядок в своих сильно обескровленных подразделениях...

В начале войны гитлеровцам удалось оккупировать значительную часть советской территории. Но сплоченность и героизм нашего народа, гигантская организаторская работа Коммунистической партии сорвали замыслы врага на советско-германском фронте.

Разгромленные под Москвой, на Волге, на Курской дуге, в Белоруссии и на Украине, гитлеровские орды были отброшены к тем рубежам, откуда летом 1941 г. они начали свое разбойничье нападение на Советский Союз.

В августе 1944 г. группа советских разведчиков во главе со старшим лейтенантом Василием Зайцевым пересекла государственную границу СССР с Восточной Пруссией и первой оказалась на территории Германии. А осенью началось массовое вступление

войск 3-го Белорусского фронта в пределы Восточной Пруссии.

Командовал этими войсками дважды Герой Советского Союза генерал армии И. Д. Черняховский, дивизия которого 23 июня 1941 г. остановила у Шауляя первые отряды врага.

Девять оборонительных рубежей, четыре укрепленных района, сотни опорных пунктов, десять крепостей, тысячи дотов — вот чем была Восточная Пруссия осенью 1944 г. А между этими линиями и дотами, за глыбами крепостных фортов и валов располагались бесчисленные казармы и арсеналы, военные заводы и аэродромы, склады горючего, боеприпасов, снаряжения и продовольствия.

На протяжении всей своей истории Восточная Пруссия была исключительно удобным плацдармом для нападения на нашу Родину. «Железной перчаткой, протянутой к горлу России», называли ее немецкие милитаристы старшего поколения. Желая перещегоолять своих наставников и духовных отцов, гитлеровские выкормыши называли ее «пистолетом, приставленным к виску России».

И время от времени «перчатка» тянулась к горлу России и «пистолет» стрелял. Но только никогда не достигали агрессоры желанной цели; получалось обратное: по дорогам Пруссии проходили русские корпуса и русские знамена развевались на площадях прусских городов. Так случилось и на этот раз.

Осенью 1944 г. на территории Восточной Пруссии было сосредоточено 40 немецких дивизий, которые опирались на многочислен-

ные укрепления, создававшиеся на протяжении десятилетий. Гитлер приказал удерживать Восточную Пруссию любой ценой, так как она была не только крупным экономическим районом, превосходно развитым в военном отношении, но и ответственным стратегическим участком советско-германского фронта: здесь находились наиболее важные базы немецкого военного флота, здесь проходили дороги, связывающие 30 немецких дивизий, окруженных в Прибалтике, с основными силами гитлеровской армии.

Восточно-прусская группировка немецких войск, нависая над путями, шедшими через Варшаву на Берлин, в то же время являлась надежным прикрытием гитлеровской столицы с северо-запада. Поэтому обороне Восточной Пруссии фашистское командование придавало очень большое значение.

Советские войска, вступив на территорию Восточной Пруссии, должны были отрезать эту группировку немецких войск от центральных районов Германии и одновременно нанести по ней глубокий рассекающий удар в направлении главного города Восточной Пруссии — Кенигсберга.

Эту задачу предстояло решить войскам 3-го Белорусского фронта, которыми командовал генерал армии И. Д. Черняховский, и войскам 2-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского.

Остановившись у самых границ Восточной Пруссии, а восточнее Гумбиннена и несколько углубившись на ее территорию, войска двух фронтов с ноября стали накапливать

силы, подготавливая удар колоссальной сокрушающей мощи.

Непрерывным потоком шли к фронту боеприпасы, снаряжение и резервы. В частях и соединениях солдаты учились всему, что необходимо при прорыве самой прочной оборонительной системы. На учебных полях, танкодромах и артиллерийских полигонах ночью и днем солдаты овладевали приемами рукопашного боя, учились метанию гранат, перевязке раненых, ремонту оружия и т. д. Необстрелянные новички учились ходить в атаку за огневым валом своей артиллерии и отбивали контратаки танков. Офицеры отрабатывали вопросы взаимодействия всех родов войск на всю глубину наступательного боя. Разведчики методически прощупывали вражескую оборону. Сотни наблюдателей наносили на карты замеченные огневые точки противника. Саперы совершенствовались в огневых позициях нашего переднего края.

К началу января 1945 г. были отремонтированы все дороги, идущие к линии фронта, построены новые мосты, способные выдерживать нагрузку до 70 т. В подразделениях вязали лестницы-стремянки, сколачивали перекидные штурмовые мостики и фашины, заготавливали бревна для танков. Саперы готовили проходы в минных полях для пехоты и танков, снимали немецкие мины, поставленные у переднего края обороны противника.

Более чем на 300 км протянулись по фронту укрепления врага, и вдоль всей этой линии, шедшей от песчаных дюн Балтийского побережья до правого берега Вислы, велась

невидимая, кропотливая работа наших саперов, подтачивавших эти неприступные укрепления.

На каждом километре советские саперы расчищали в среднем около десяти проходов для пехоты и танков и снимали 500—600 мин. А в глубине наших позиций формировались штурмовые группы, в состав которых кроме стрелков и автоматчиков входили орудия, танки, огнеметчики и саперы.

Фронт неподвижно стоял на месте, накапливая силы для сокрушительного удара. Подобно гигантской стальной пружине, с каждым днем сжимавшейся все туже, войска готовились к рывку, и никакие преграды не могли уже остановить эту лавину человеческой воли, огня и металла.

Глава первая

ПОЛКИ ИДУТ ПО ДОРОГАМ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Утром 13 января на протяжении ста километров земля задрожала от грохота тысяч орудий. Два часа артиллерия 3-го Белорусского фронта перемешивала с землей и снегом бревна и доски дзотов, в клочья рвала паутину колючей проволоки, вдребезги разбивала бетонные плиты усовершенствованных дотов.

В самом конце артиллерийской подготовки в атаку двинулись пехота и танки. Девять танковых бригад и более 20 стрелковых дивизий, поддержанные огнем тысяч орудий и сотнями самолетов, одновременно перешли в наступление. Казалось, что никакая сила не сможет противостоять этому железному потоку и никакая оборона не сможет сдержать его и рассыплется прахом под его чудовищным натиском. Но бетон и броня вражеских укреплений выдержали этот удар Советской Армии.

В первый день наступления войскам фронта, действовавшим на главном направлении,

удалось продвинуться лишь на глубину 5—7 км. У каменных редутов Пилькаллена и на дальних подступах к Гумбиннену завязались тяжелые бои. Противник подтягивает резервы. Бои становятся все ожесточеннее. Наши наступающие части ценой огромных усилий прорывают одну полосу обороны за другой. 16 января командующий фронтом для завершения прорыва тактической глубины обороны ввел в бой танковый корпус генерала А. С. Бурдейного.

При поддержке авиации танковый корпус успешно прорвал вторую полосу обороны противника. Подобно металлическому сверлу, со скрежетом разбрызгивая бетон укрепленных линий, вгрызлись в оборону немцев советские танки. Медленно, но неуклонно двигалась вперед громада советских войск.

18 января войска 28-й армии под командованием генерал-лейтенанта А. А. Лучинского вышли на подступы к Гумбиннену.

664-й стрелковый полк 130-й стрелковой дивизии, которой командовал гвардии полковник Пенев, наступал на опорный пункт Гросс-Байтчен. Гитлеровцы дрались здесь отчаянно. Несколько раз поднимались в контратаку вражеские автоматчики. Они лезли из развалин домов, выскакивали из дворов и подвалов. Из лабиринта узких переулков и улочек неожиданно высывались длинные стволы «фердинандов» и «тигров». Вскоре был тяжело ранен командир 6-й роты этого полка. Тогда заместитель командира 2-го батальона по политчасти гвардии капитан С. И. Гусев принял на себя командование ротой.

Памятник Герою Советского Союза С. И. Гусеву в городе, носящем его имя в Калининградской области

При отражении очередной контратаки врага Гусев поднял роту в атаку. За 6-й ротой поднялись и другие подразделения полка. Опорный пункт был взят, и полк завязал бои непосредственно на подступах к Гумбинену.

Здесь в одной из штыковых атак Гусев погиб.

На берегу тихой реки, в самом центре города Гусева сейчас возвышается мраморный обелиск с лаконичной надписью: «Герой Советского Союза Гусев Сергей Иванович». Именем этого человека Родина назвала город Гумбиннен.

21 января наши войска овладели Гумбинненом, а на другой день — мощным опорным пунктом гитлеровцев — городом Инстербургом.

С 13 по 26 января войска 3-го Белорусского фронта продвинулись в глубь Восточной Пруссии на 120 км. 28 января они вышли на ближние подступы к Кенигсбергу.

В то время как войска 3-го Белорусского фронта медленно, но неотвратно, подобно гигантскому тарану, шли прямо на Кенигсберг, ломая оборонительные линии противника, 2-й Белорусский фронт начал стремительное продвижение на запад, а затем, внезапно повернув к северу, гигантской дугой охватил восточно-прусскую группировку противника, перерезав все дороги, соединявшие Восточную Пруссию с Германией.

Наступление 2-го Белорусского фронта началось 14 января. Подавленные огневой мощью советской артиллерии, гитлеровцы бросили первую траншею и стали разбегаться по укрытиям. Лишь небольшие группы вражеских солдат пытались сопротивляться, но были смяты наступающими батальонами.

Только к концу дня противник оправился

от испуга и замешательства и предпринял решительные меры, чтобы исправить положение. Упорные бои развернулись по всему фронту. На ряде участков появились новые соединения гитлеровцев, в спешном порядке переброшенные с Западного фронта. Отступая на одном участке, фашисты лезли вперед на другом. Они цеплялись за каждый выступ, за каждый двор и фольварк, но все было напрасно. К 23 января в положении на фронте произошел решительный перелом — мощная группировка противника была выбита из Алленштайнского укрепленного района. Со все нарастающей скоростью она стала откатываться к Эльбингу.

Положение немецких войск, оказавшихся в восточно-прусском «котле», с каждым днем ухудшалось. Управление войсками было нарушено: штабы не знали, где их части, части не могли найти свои штабы. Появились блуждающие роты, батальоны и целые полки, вышедшие из подчинения и бредущие без всякой цели неизвестно куда. Взятые в плен в эти дни гитлеровцы сообщали, что беспорядок среди солдат и офицеров усиливается еще и оттого, что армия переведена на самоснабжение. Организованная выдача продуктов прекратилась. Началось массовое мародерство. Солдаты перестали подчиняться офицерам. Деморализованное гитлеровское воинство превратилось в беспорядочную, никем не управляемую толпу. Советское командование использовало эту обстановку, нанося глубокие, стремительные удары по противнику и организуя многодневные рейды по его тылам.

В результате одного из таких рейдов наши войска без боя заняли второй по величине город Восточной Пруссии — Эльбинг. Эльбинг был важным промышленным центром, в котором строились турбины, паровозы и пароходы, собирались автомобили и авиационные моторы. Он являлся крупным узлом шоссейных и железных дорог. Советские танки ворвались на улицы Эльбинга настолько неожиданно, что местный гарнизон не успел даже взяться за оружие. Когда три головных танка, на предельной скорости проскочив окраину, вышли на центральную площадь, в городе царили мир и спокойствие: в пивных за кружками эрзац-пива сидели уцелевшие от бесконечных мобилизаций старики и инвалиды, а в центре площади юнкера Эльбингской авиационной школы стояли по команде «Смирно», выстроившись на вечернюю поверку.

Оркестр училища, бодро игравший марш, мгновенно смолк, и в наступившей неестественной тишине почти как пушечный выстрел стукнула по броне откинутаая крышка люка командирского танка.

Замершие в строю юнкера как по команде водняли руки.

В результате захвата Эльбинга и выхода наших частей в этом районе к побережью Балтийского моря все сухопутные коммуникации основных сил восточно-прусской группировки врага были перерезаны.

Потеря Эльбинга ошеломила гитлеровское командование и заставила его принять «чрезвычайные меры», чтобы исключить подоб-

ные случаи в дальнейшем. Фашистское руководство разработало систему мероприятий с целью поднять упавшую боеспособность частей и превратить всю территорию провинции, оставшуюся под контролем гитлеровцев, в крепость. Все крупные деревни и маленькие городки были объявлены опорными пунктами. Во главе каждого из них стоял комендант, наделенный неограниченными полномочиями. Командам воинских частей и соединений были приданы «батальоны местной самообороны», возглавляемые офицерами СС. За малейшее непослушание, проявление паники, распространение деморализующих слухов полагалось одно — расстрел. Дезертиров расстреливали публично, покрывая их мертвые тела кусками материи с надписью: «За трусость».

Эти решительные меры привели к тому, что гитлеровцы стали драться с отчаянием обреченных. Каждый шаг вперед стоил нашим войскам больших усилий. Часто исход тяжелых боев решали сноровка и находчивость солдат и офицеров. Весь фронт облетели рассказы о том, как два командира рот гвардии капитаны Солощенко и Боровченко обшили листами обыкновенной фанеры трофейные гусеничные тягачи, нанесли на фанеру камуфляж и поставили на площадки тягачей 45-мм пушки.

Когда десанты автоматчиков двинулись на этих «танках» в атаку, противник решил, что перед ним новые грозные машины, еще не применявшиеся на фронте. Побросав оружие, гитлеровцы в панике бросились бежать. Отважные десантники уничтожили 40 враже-

ских солдат, а три совершенно исправных орудия, восемь пулеметов и 35 винтовок собрали на опустевших улицах сильно укрепленной деревни Аугам, оставленной противником без боя.

Но далеко не всегда так легко доставалась победа. В конце января 1945 г. 3-я гвардейская стрелковая Волновахская дивизия вышла к окраинам города Бартенштайн. В составе дивизии был 22-й гвардейский артиллерийский полк. Несколько дней артиллеристы отражали контратаки крупных сил пехоты и танков противника. 2 февраля 1945 г. группа корректировщиков (двое разведчиков и радист) во главе с гвардии лейтенантом И. Ф. Ткаченко незаметно вышла далеко вперед за линию наших боевых порядков и, укрывшись на опушке небольшого леса, начала корректировать огонь советских орудий.

Гитлеровцам удалось потеснить наши части, и группа Ткаченко оказалась отрезанной от своих товарищей. Несмотря на это, советские разведчики 11 часов подряд передавали сведения о передвижении резервов противника и сообщали их точные координаты. Огонь советской артиллерии был губительным и точным. Но гитлеровцы все же обнаружили отважных корректировщиков и бросили роту солдат, чтобы их уничтожить. Восемь раз поднимались гитлеровцы в атаку, и каждый раз Ткаченко и его боевые друзья вызывали на себя огонь своей артиллерии. Восемь раз между гитлеровцами и советскими разведчиками возникала стена из огня и металла. Благодаря точно корректируемому

143163—

огню все атаки противника были отбиты. Убедившись в невозможности захватить наблюдательный пункт силами пехоты, гитлеровцы обрушили на него огонь своих орудий. Семь часов две артиллерийские и две минометные батареи врага вели огонь по группе Ткаченко. Но гитлеровцы все же не добились успеха. Наоборот, они лишь выявили систему расположения своих орудий и минометов и последние были уничтожены огнем советской артиллерии.

За героизм, проявленный в этом бою, гвардии лейтенант И. Ф. Ткаченко был удостоен звания Героя Советского Союза.

Массовый героизм был проявлен воинами 3-го Белорусского фронта при прорыве оборонительной линии «Дайме» и во время боев в Хайльсбергском укрепленном районе.

Линия «Дайме» проходила в 30 км восточнее Кенигсберга по левому берегу реки Дайме, крутому и обрывистому. Часть ее оборонительных сооружений была построена еще во время первой мировой войны. В 1936 году были усовершенствованы старые сооружения и построены десятки новых мощных опорных пунктов. В декабре 1944 г. три крепостных батальона тщательно подготовили таблицы огня и еще более усовершенствовали оборону. К началу наступления советских войск на линии «Дайме» насчитывалось 63 железобетонных дота, в которых стояли 210-мм орудия, пулеметы и огнеметы. Лобовая броня дотов имела толщину более полутора метров.

Левый берег реки Дайме, где располагались доты, возвышался над правым берегом,

низким и заболоченным. В середине января немецкие саперы взорвали фугасами лед и дамбы, регулировавшие уровень воды в реке. В результате этого вода хлынула на низменный правый берег и затопила его. Черные жерла пушек мрачно смотрели на море грязной воды, перемешанной с осколками льда. Каждый метр этого топкого болота, покрытого толстым слоем ледяной воды, простреливался из всех видов оружия.

Частям 43-й армии предстояло форсировать разлившуюся реку и пробить неприступную линию «Дайме» — железную дверь Кенигсберга.

22 января гвардейцы генералов П. С. Безуглого и Н. Н. Олешева увидели доты линии «Дайме», но останавливаться было нельзя: быстрое продвижение обеспечивало успех. Бой начался поздно вечером в тумане и мгле. Амбразуры всех 63 дотов выплеснули смертоносные струи огня и металла. Гвардейцы — артиллеристы подполковника Олейника прямой наводкой били по вспышкам выстрелов, заливая амбразуры дотов встречным шквалом огня. Артиллеристы пробивали дорогу стрелковому полку, который вел на линию дотов подполковник Трушин. Его ударные подразделения были уже на противоположном берегу реки. С неимоверными усилиями наши бойцы удерживали крошечные плацдармы. К ночи полк Трушина оказался на той стороне реки Дайме один на один с бетонными громадами дотов.

На следующий день рано утром стрельба возобновилась с еще большей силой. Гул и грохот стояли на обоих берегах реки. Но да-

же в этом грохоте солдаты Трушина ясно различили низкий, глухой рокот танковых моторов. Из облаков тумана, причудливо переплетавшегося с облаками густого черного дыма, выползали тяжелые танки с нарисованной на броне головой ревущего тигра. Лениво переваливаясь с боку на бок, «тигры» ползли к прибрежной кромке, где на узкой полоске берега стоял полк Трушина, готовый победить или умереть.

Навстречу немецким танкам артиллеристы старшего лейтенанта Андрея Вишневого быстро выкатили 45-мм орудия единственной батареи, которая успела к этому времени переправиться на противоположный берег реки. Развернув на ровной, ничем не защищенной площадке свои орудия, артиллеристы огнем в упор встретили первую волну «тигров». Снаряды валили на мерзлую землю десятки вражеских солдат и офицеров, но гитлеровцы с отчаянием смертников лезли вперед. Вишневский и все расчеты его батареи погибли у разбитых, вдавленных вражескими танками в землю орудий, не отступив ни на шаг. Когда вражеские танки, раздавив орудия Вишневого, подползли к самому берегу, их здесь встретили советские самоходные орудия, в несколько минут решившие исход боя. Гарнизоны блокированных дотов сдавались один за другим.

Так была взломана линия «Дайме», которую гитлеровские вояки хвастливо называли железной дверью Кенигсберга.

Еще и в самые мощные бинокли не было видно ни высоких старинных башен, ни многочисленных заводских труб, а уже слышал-

ся глухой отдаленный рокот больших фортов Кенигсберга, пушки которых посылали тысячекилограммовые снаряды на расстояние более 30 км.

Чем ближе подходили советские войска к Кенигсбергу, тем плотнее становились боевые порядки врага, упорнее его сопротивление.

С трех сторон шли советские дивизии к Кенигсбергу. Гигантским полумесяцем выгнулся стодвадцатикилометровый фронт, фланги которого сходились все ближе и ближе, чтобы железным кольцом сковать столицу Восточной Пруссии.

28 января правое крыло наших наступающих войск протаранило линию «Кранц», прикрывавшую город с севера, на следующий день передовые отряды 43-й армии генерал-лейтенанта А. П. Белобородова вышли к северным окраинам Кенигсберга.

Впереди наступали корпуса генералов Н. Н. Олешева и А. И. Лопатина, год назад прорвавшие «Голубую линию» и знаменитый «Турецкий вал».

Немцы отчаянно сопротивлялись; бои шли не только на земле, на море и в воздухе, но и под землей — в цехах подземных военных заводов, бункерах и казематах.

С юга к Кенигсбергу прорывались войска 11-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника К. Н. Галицкого. Выйдя 23 января к заливу Фришес-Хафф, эта армия отрезала гарнизон Кенигсберга от немецких войск, действовавших южнее города. 16-й гвардейский стрелковый корпус этой

армии, которым командовал генерал-майор С. С. Гурьев, вышел к южным фортам столицы Восточной Пруссии.

В это время напряжение боев сильно возросло: только за один день — 31 января — солдаты генерал-майора С. С. Гурьева отбили 10 контратак, три четверти контратаковавших фашистов остались лежать на поле боя.

В эти же дни к северным фортам города вышла и 39-я армия генерал-лейтенанта И. И. Людникова, а в ночь на 2 февраля дивизия полковника Андреева первой достигла побережья Балтийского моря. Таким образом, в начале февраля 1945 г. Кенигсберг был блокирован с трех сторон. Только две дороги еще связывали столицу Восточной Пруссии с внешним миром: одна из них шла к Пиллау — морским воротам Кенигсберга, другая — к Мемелю.

Советское командование решило прежде всего перерезать северную дорогу, ведущую к Мемелю. Дорога проходила по узкой песчаной косе Куриш-Нерунг, длина которой превышала 100 км, а максимальная ширина — 2,5 км.

У выхода на косу гитлеровцы создали мощные оборонительные сооружения. Учитывая это, решено было неожиданно для противника форсировать залив Куриш-Гаф и сбросить немцев в Балтийское море. Выполнение этой задачи было поручено частям 32-й стрелковой дивизии.

Рано утром 29 января стрелковый батальон 113-го стрелкового полка, которым командовал майор А. А. Тихомиров, получил бое-

вое задание и, погрузившись на лодки и катера, взял курс на косу. Было еще темно. Над черной водой залива изредка вспыхивали звезды ракет, воздух разрезали огненные линии трассирующих пуль, стлались белесые полосы прожекторов. Вскоре лодки и катера подошли почти к самому берегу. Уже смолк грохот советских артиллерийских батарей, прикрывавших огнем наступающих, прошли на восток наши самолеты, отбомбившиеся на косе, и десантники остались один на один с противником, притаившимся за бронированными щитами орудий, за бетонными стенами дотов, за минными полями и колючей проволокой.

Когда десантные суда подошли к берегу на расстояние 100 м, огонь противника усилился. Прямым попаданием мины был разбит тяжелый, неуклюжий баркас. Несколько десантников оказались ранеными, остальные прыгали в холодную воду и, подняв над головой оружие, под шквальным огнем противника пробивались к окутанному дымом берегу. Среди наступающих то один, то другой падал в воду. Шеренги бойцов заметно редели. И вот в тот момент, когда десантники уже замедлили движение, они услышали громкий возглас: «Комсомольцы, вперед! Коса — близко!» Это был голос комсорга батальона младшего лейтенанта В. Г. Владычева. Десантники с новыми силами бросились к берегу. Через несколько мгновений они увидели, как бежавший впереди всех комсорг перемахнул высокий бруствер немецкого окопа и прыгнул в траншею. После короткого, яростного штыкового боя против-

ник был выбит из первой линии и отступил в глубь обороны.

Однако через полчаса, стремясь восстановить утраченные позиции и сбросить десантников в море, полк немецкой пехоты при поддержке танков и самоходных орудий начал контратаку. Пригнувшись к земле, бежали автоматчики, прячась за бронированными коробками машин. Снаряды засыпали маленький клочок земли, на котором на смерть стоял батальон. Четыре контратаки было отбито в первой половине дня. Много трупов оставили немцы перед позициями отважных советских воинов. Но и наши понесли потери: был тяжело ранен комбат, убиты и ранены все командиры рот — батальон уже не мог оборонять захваченный утром участок. Тогда младший лейтенант Владычев собрал всех способных сражаться бойцов, и когда немцы в пятый раз пошли в контратаку, он с криком «За Родину!» поднял оставшуюся горстку смельчаков в штыки. Сам комсорг в упор уничтожил из автомата 17 вражеских солдат, а когда патроны кончились, отбросил автомат в сторону и, схватив саперную лопату, зарубил ею еще трех гитлеровцев. Противник не выдержал стремительного натиска десантников и бежал, оставив на поле боя более ста трупов убитых и раненых. Задача, поставленная перед батальоном, была выполнена — плацдарм на косе Куриш-Нерунг захвачен и удержан до подхода главных сил. Так гитлеровцы лишились одной из важнейших дорог, связывавших Кенигсберг с курляндской

группировкой и юго-восточными портами Прибалтики.

За успешное выполнение боевого задания и проявленные мужество и стойкость младший лейтенант Василий Григорьевич Владычев был удостоен звания Героя Советского Союза.

К 8 февраля войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов расчленили восточно-прусскую группировку противника на три изолированные друг от друга части. Самая крупная группировка, включавшая до 23 дивизий, занимала позиции к юго-западу от Кенигсберга, около 4 вражеских дивизий засели в Кенигсберге и еще 5 дивизий окопались на болотистом четырехугольном полуострове Земланд, прикрывая морские ворота Кенигсберга — крепость и порт Пиллау.

Командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И. Д. Черняховский решил уничтожить вражескую группировку по частям. В первую очередь предстояло разгромить самую крупную группировку, образовавшуюся юго-западнее Кенигсберга.

Здесь противник опирался на многочисленные укрепления Хайльсбергского укрепленного района, самого мощного в общей системе обороны Восточной Пруссии. В этом районе были построены две первоклассные крепости, десять линий траншей и 911 дотов, на отдельных участках на километр фронта приходилось по полтора десятка дотов.

В середине февраля 1945 г. войска фронта начали осторожно прощупывать сложную

оборонительную систему Хайльсбергского укрепленного района.

В ночь на 18 февраля стремительной ночной атакой был взят небольшой, но очень важный в тактическом отношении город Мельзак. Гитлеровцы приложили немало усилий, чтобы возвратить его, но тщетно: упорные бои, развернувшиеся у Мельзака, не принесли им никакого успеха. Тогда фашистское командование бросило под Мельзак крупные силы, стремясь во что бы то ни стало выбить советские войска из города.

У Мельзака сложилась очень тяжелая и опасная обстановка. В район города выехал генерал армии И. Д. Черняховский. Это было 18 февраля 1945 г. Неподалеку от окраины Мельзака разрывом вражеского снаряда И. Д. Черняховский был смертельно ранен и через несколько минут скончался, не приходя в сознание, на руках у своих боевых товарищей.

Иван Данилович Черняховский, воспитанный партией и Советским государством, в годы Великой Отечественной войны стал одним из талантливейших полководцев нашей армии.

Черняховский бил гитлеровцев под Новгородом и Псковом, на Курской дуге, на Днепре и в Белоруссии. Это его прославленные армии принесли свободу Минску и Вильнюсу и первыми перешли границу и вступили на землю Восточной Пруссии.

«Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена над гробом одного из лучших полководцев Красной Армии» —

Памятник Герою Советского Союза генералу армии
И. Д. Черняховскому на привокзальной площади го-
рода Черняховска

говорилось в специальном Приказе Верхов-
ного Главнокомандующего.

В командование 3-м Белорусским фрон-
том вступил Маршал Советского Союза А. М.
Василевский. Ему предстояло завершить ги-

гантскую наступательную операцию, начавшую его талантливый предшественник.

13 марта, во время сильных весенних дождей, превративших район боевых действий в топкое болото, войска фронта перешли в решительное наступление, стремясь ликвидировать хайльсбергскую группировку.

В конце марта пал последний оплот Хайльсбергского укрепленного района — город Дойч-Тирау. Бои за город были очень упорными. Их исход решила танковая рота лейтенанта И. М. Ладушкина, двигавшаяся впереди наших наступающих войск. 16 марта неподалеку от Дойч-Тирау вражеский бронбойный снаряд разбил и поджег танк лейтенанта. Раненый Ладушкин пересел в другую машину и первым ворвался в глубину вражеской обороны. Из стороны в сторону металась его тяжелая машина, наводя ужас на противника. Два противотанковых орудия врага вместе с расчетами были раздавлены гусеницами танка. Но вскоре танк был подбит, и Ладушкин замертво рухнул на дно вспыхнувшей машины. Однако вслед за командиром на позиции противника ринулись окутанные огнем и дымом другие танки роты Ладушкина. 70 гитлеровцев было уничтожено этой лавиной, 15 артиллерийских орудий смято гусеницами танков, около 40 фашистов с поднятыми руками стояли в разных концах поля...

Танки ушли к Людвигсбургу и через несколько дней взяли его. Теперь этот город носит имя Героя Советского Союза лейтенанта Ивана Мартыновича Ладушкина, отдавшего свою жизнь за великую Родину.

Памятник Герою Советского Союза И. М. Ладущкину
в городе, носящем его имя в Калининградской
области

Боями в районе Людвигсорта завершилась операция по разгрому хайльсбергской группировки противника. Мощная группировка, насчитывавшая два месяца назад более 150 тыс. человек, была окончательно ликвидирована. Теперь перед войсками фронта встала новая трудная и сложная задача — взять Кенигсберг. И десятки тысяч воинов с огромным энтузиазмом и решительностью стали готовиться к штурму Кенигсберга, одной из сильнейших крепостей мира.

Глава вторая

КЕНИГСБЕРГ — ГОРОД-КРЕПОСТЬ

Семьсот лет существовал Кенигсберг и на протяжении всех семисот лет из поколения в поколение совершенствовал свою оборонительную систему.

Старое разбойничье гнездо германских баронов, воздвигнутое псами-рыцарями у границ Русского государства, с самого начала предназначалось ими для грабительских походов на Восток. История Кенигсберга была историей преступлений германских милитаристов, и вот сейчас наступил час расплаты.

Блокированный советскими войсками Кенигсберг обороняли четыре полнокровные пехотные дивизии и несколько отдельных полков (пехотные, охранные и фольксштурма). Гарнизон крепости насчитывал около 130 тыс. человек, до 4 тыс. орудий и минометов и около 100 танков и штурмовых орудий. Гарнизон поддерживали с воздуха 170 самолетов с аэродромов на Земландском полуострове.

Пока солдаты и офицеры кенигсбергского гарнизона приходили в себя после непрерывных трехнедельных боев, военные заво-

ды города чинили, латали и красили обгорелую, продырявленную, изношенную военную технику, заполнившую огромный город от края до края.

Изрешеченные пулями «юнкерсы», «фокке-вульфы» и «мессершмитты» заклепывались и заваривались в десяти цехах авиационного завода. В пустые алюминиевые фюзеляжи самолетов ставили новые моторы кенигсбергских заводов фирмы «Даймлер-Бенц», с заводов боеприпасов «Понарт» и «Остланд» на позиции немецких войск каждую ночь тягачи подтаскивали снаряды, патроны и мины. На разрушенном комбинате «Остверке» 2000 военнопленных и узников концлагерей под дулами автоматов ремонтировали разбитое артиллерийское вооружение, а на заводе железобетонных конструкций миллиардера Альфреда Тиссена из обломков рельсов и огромных тавровых балок изготовлялись сотни противотанковых надолб.

Гарнизон города был настроен весьма решительно. Даже пленные немцы, с которых непрерывные поражения последних лет сбили изрядную долю спеси, снова стали задирать голову. Взятый в плен командир артиллерии 9-го армейского корпуса полковник Бейзе с наглой самоуверенностью заявил: «22 января 1758 года не повторится — Кенигсберг не сдадим». В этом заявлении интересным было только то, что немцы не забыли памятного дня, когда русские полки с развернутыми знаменами входили в поверженный Кенигсберг.

А теперь новая русская армия, во много

раз сильнее, чем двести лет назад, стояла под стенами Кенигсберга.

Город лихорадочно готовился к обороне. Долгие годы Кенигсберг был разбойничьим гнездом германских милитаристов, расположенным у границы с Россией. В стенах его фортов и казарм веками вынашивались бредовые планы походов на Восток. Кенигсберг был одним из важнейших центров Германии по подготовке агрессии против СССР и развязывании ее в июне 1941 года. В первые годы войны через Кенигсберг проходили бесчисленные эшелоны с награбленным в Советском Союзе добром, с угнанными в неволю советскими гражданами.

Под тяжестью совершенных преступлений этот огромный, сильно укрепленный город день и ночь готовился к отражению штурма.

* *
*

В маленьком восточно-прусском городке Лабиау, раскинувшемся в трех километрах от залива Куриш-Гаф, стоял старый рыцарский замок. Вот уже около месяца в многочисленных комнатах и залах замка более ста советских солдат и офицеров занимались необыкновенным в условиях войны делом — строили игрушечный город. Созданный умелыми руками столяров, художников и топографов, игрушечный город занимал площадь всего 36 кв. м и размещался в одной комнате. (Действительная же площадь Кенигсберга составляла 200 кв. км.)

В игрушечном городе на семи невысоких

холмах располагались крошечные сады и дома, церкви и военные заводы, улицы и площади. Семь мостов, каждый из которых был чуть больше обыкновенной спички, перекинулись через узкую полоску реки, разделяющую город на две примерно равные части. И хотя его площади и переулки были очень малы, а домики предместий, окруженные яблоневыми садами, едва заметны, внимательно присмотревшись к пестрой путанице бесчисленных улиц, можно было увидеть, что этот город живет необычной жизнью. Каждый день менялось лицо игрушечного города, изрытое оспинами бомб и покрытое сыпью минных полей. Каждое утро его улицы перегораживали новые деревянные барьерчики, и это значило, что там, в настоящем городе, на улицах построили новые баррикады.

Каждое утро на светлых лентах дорог, бегущих в игрушечный город, и на зеленых пятнах парков и стадионов художники рисовали серые пунктирные линии, опоясывавшие все его предместья, и это значило, что там, в настоящем городе, за прошедшую ночь выросли новые «зубы дракона» — толстые, бетонные надолбы, способные остановить любую танковую атаку.

А если мастера перекрашивали какой-нибудь дом в коричневый цвет — это значило, что в настоящем городе во время ночного налета сгорел дом. Создавалась новая огневая точка — и тотчас на макете появлялось ее условное обозначение. Изменялся вид настоящего города, и через несколько часов менялся вид его миниатюрного двойника.

За разработкой плана «звездного штурма» Кенигсберга: командующий фронтом Маршал Советского Союза А. М. Василевский (в центре), член Военного совета генерал-лейтенант В. Е. Макаров (слева), начальник штаба генерал-полковник А. П. Покровский

И когда наконец все выявленные оборонительные сооружения и замеченные разведкой огневые средства противника были обозначены на макете, его перевезли в кабинет командующего 3-м Белорусским фронтом.

Так в кабинете маршала А. М. Василевского между длинными столами, заваленными грудями бумаг и рулонами топографических карт, появился большой игрушечный город — точная копия окруженного Кенигсберга. Возле макета офицеры и генералы серьезно и внимательно осматривали мельчайшие детали города. У стен маленького Кенигсберга побывали все командиры подраз-

делений, сдавая экзамен генералам штаба фронта.

К началу апреля все было готово: каждый командир соединения и части знал свой собственный маневр, действия ближайшего соседа и общий замысел командования — взять Кенигсберг звездным штурмом, нанося одновременные удары с восьми сторон, овладеть городом с наименьшими потерями и в самый короткий срок.

Решение взять Кенигсберг звездным штурмом пришло не случайно. Огромный военный опыт, накопленный советскими генералами и офицерами за время Великой Отечественной войны, подсказал наиболее правильный путь для решения поставленной перед ними задачи.

Большой сильно укрепленный город, имеющий в системе обороны три концентрические укрепленные позиции, мог быть взят только решительным штурмом, начатым одновременно со всех сторон. Если бы атака на город велась только с одной стороны, противник мог бы оказать большее сопротивление, чем при звездном штурме. Кроме того, при звездном штурме исключалась всякая возможность прорыва даже малой части окруженных немецких войск для соединения с Земландской группировкой. Выбор времени штурма также не был случайным. Начало штурма Кенигсберга зависело от того, как скоро разгромят советские войска хайльсбергскую группировку противника. Наши соединения, стоявшие под Кенигсбергом, были готовы к штурму города уже к середине марта, но хайльсбергская группировка еще

не была разгромлена, и поэтому начало штурма откладывалось.

Как только войска генералов Н. И. Гусева, Н. И. Крылова, А. А. Лучинского и П. Г. Чанчибадзе сбросили противника в море и очистили от врага юго-западную часть Восточной Пруссии, подавляющая часть танковых и артиллерийских частей, имевшихся в их распоряжении, была переброшена к Кенигсбергу.

Гарнизон Кенигсберга после падения Хайлигенбайля — последнего опорного пункта Хайльсбергского укрепленного района — ждал начала общей атаки с минуты на минуту, и поэтому все усилия жителей города и его гарнизона были направлены на то, чтобы оборонительные работы в Кенигсберге шли полным ходом.

К началу Восточно-Прусской операции оборонительная система Кенигсберга включала внешний оборонительный обвод и три позиции. Внешний оборонительный обвод севернее и южнее города был прорван советскими войсками еще в мартовских боях. Сам Кенигсберг представлял собою причудливую картину, в которой затейливо переплетались оборонительные сооружения различных эпох и стилей. Рядом со старым предместным укреплением XIV века выглядывал из-под земли бетонный колпак усовершенствованного наблюдательного пункта; на колокольнях старинных церквей стояли стереотрубы заводов Цейсса, а врытые в землю форты, построенные в середине прошлого века, были окружены оголенными электрическими про-

Один из дотов внешнего оборонительного обвода Кенигсберга

водами, переплетенными многорядной колючей проволокой.

Разрушенные во время бомбежки дома перемещали на проезжую часть улицы, перегородивая таким образом дорогу высоким завалом из битого кирпича и горелого железа. В уцелевших домах спешно закладывали кирпичом окна, оставляя лишь узкие амбразуры, в подвалах усиливали потолочные перекрытия, устанавливая клетки из толстых бревен, очень напоминающие крепления в шахтах.

Все мужчины, способные держать оружие, получили его; остальные жители, за исключением совершенных инвалидов, дряхлых стариков и маленьких детей, были брошены на оборонительные работы.

К началу марта вокруг города были выкопаны противотанковые рвы, общая длина которых превышала 50 км. Десятки тысяч мин и фугасов стояли перед противотанковыми рвами и тщательно замаскированными волчьими ямами. Врытые в землю бревна, многотонные глыбы гранита и железобетонные надолбы наглухо закрывали город от угрозы вторжения танков. Четыре ряда окопов с блиндажами в три и четыре наката, обнесенные густыми рядами натянутой на колья колючей проволоки, и круглые двухметровые витки колючей проволочной «спирали Бруно» должны были остановить продвижение пехоты.

Немецко-фашистское командование надеялось, что, запутавшись в проволоке, заблудившись на минных полях, попав под кинжальный огонь пулеметов, советские пехотинцы не смогут пройти вперед... А если даже они и пройдут все полевые преграды первой оборонительной позиции, то их встретят шквальным огнем крепостных батарей долговременные оборонительные сооружения — большие форты, известные под названием «ночная рубашка Кенигсберга». Пятнадцать врытых в землю каменных исполинов тесным кольцом окружали окраины Кенигсберга. Все форты были связаны между собой окружной дорогой, по которой могли перебрасываться боеприпасы и подкрепления. Большие форты Кенигсберга справедливо считались первоклассными оборонительными сооружениями. Созданные около 80 лет назад, они непрестанно видоизменялись и совершенствовались. К весне 1945 г. почти каж-

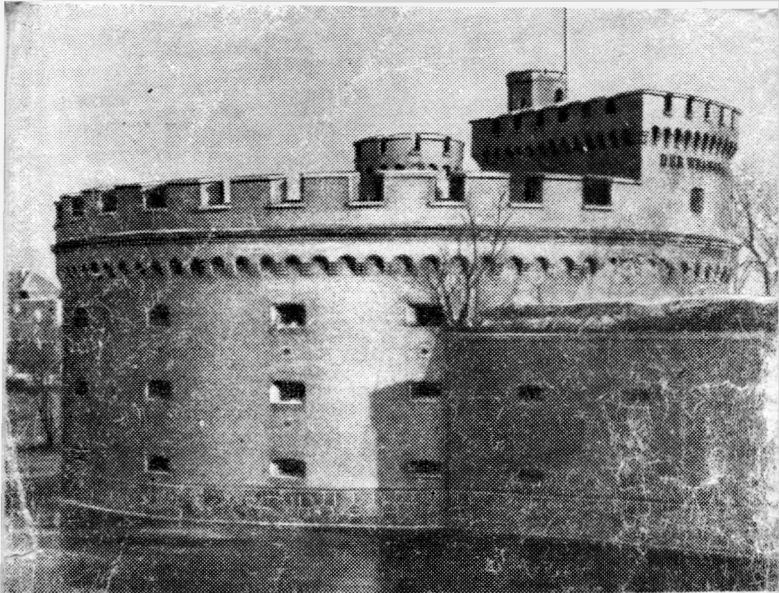
дый форт имел свою собственную электростанцию, свой госпиталь, свои склады продовольствия и боеприпасов. В глубоких подвалах больших фортов могла отсидеться целая армия, более 100 пулеметов и 49 артиллерийских батарей было всажено в их каменную утробу. Никакие бомбы не могли пробить горы земли, насыпанные на их крыши; орудия фортов посылали трехсоткилограммовые снаряды на дальность тридцать километров, а 15 самых крупных пушек могли вести огонь однотонными снарядами на 40 км.

Город мог спокойно спать, пока не было пробито каменное кольцо больших фортов и пока более пяти тысяч стрелков, пулеметчиков и артиллеристов стояли у бойниц и амбразур «ночной рубашки Кенигсберга»...

Однако город не спал. Подгоняемые фашистами, жители день и ночь рыли землю, валили деревья и строили баррикады во всех 862 кварталах города. Во время бомбежек они отлеживались на дне вырытых ими окопов, а затем вновь брались за ломы и лопаты. Особенно интенсивные работы шли на второй оборонительной позиции, которая опоясывала окраины города и кроме обычных полевых укреплений и нескольких сотен дотов включала в себя дома и заводы, специально приспособленные для обороны.

Однако и вторая позиция — это еще не все... В пяти километрах от нее, вокруг центра города, на лесистых склонах Литовского вала громоздились кирпичные бастионы девяти фортов третьей позиции, или, как ее называли, — внутреннего оборонительного обвода.

«Дер Врангель» — один из фортов внутреннего оборонительного обвода Кенигсберга

Построенные около ста лет назад на месте старых городских стен, эти форты еще представляли собою довольно грозную силу. Они образовывали замкнутое кольцо, окруженное по внешней стороне глубоким рвом с отвесными земляными краями. К воротам фортов были переброшены мосты, впереди которых, как правило, высились толстостенные кирпичные капониры. А внутри круга, образованного укреплениями Литовского вала, плотно прижавшись друг к другу, стояли многоэтажные дома центральной части огромного города. Домов — сотни, и каждый дом — крепость.

В самой середине Кенигсберга на высоком берегу реки Прегель, цепляясь шпилем за облака, вонзалась в небо девяностометровая башня королевского замка — центра Кенигсбергского внутреннего оборонительного обвода, старой цитадели Восточной Пруссии. Таким был Кенигсберг накануне штурма.

Советское командование прекрасно знало это. Составленная штабом 3-го Белорусского фронта сводка сухим языком цифр рассказывала о самых сокровенных тайнах окруженного города, раскрытых советскими наблюдателями, разведчиками и летчиками.

Гарнизон Кенигсберга по особому приказу Гитлера был укомплектован, как правило, уроженцами Восточной Пруссии. В городе военный психоз и ожидание штурма к апрелю 1945 г. достигли предела. Даже стены кенигсбергских домов испуганно кричали, предупреждали, требовали. «Свет — твоя смерть» — предупреждала одна черная надпись, «Песок и вода — первая помощь» — советовала другая.

«Мы никогда не капитулируем», «22 января 1758 года не повторится» — наперебой уверяли напуганных жителей плакаты, газеты и листовки осажденного города. Чуть ли не каждый день по местному радио выступал истерично кричащий «фюрер Кенигсберга» Вагнер. Он призывал солдат к тому, чтобы они «сражались, как краснокожие индейцы, боролись, как львы». Вагнер прославлял «героев обороны», а после его выступления диктор читал длинные списки расстрелянных дезертиров. Газеты печатали портреты мальчишек из «Гитлерюгенда», награж-

денных железными крестами, а в то же время патрули эсэсовцев следили за тем, чтобы все пулеметные площадки были обнесены колючей проволокой и имели выход только по направлению к своему КП для того, чтобы помешать пулеметчикам сдаться в плен. Солдаты и офицеры гарнизона давали устные и письменные обещания, заверения и клятвы. Они клялись, что никакая сила не заставит их отойти с занимаемых позиций, и заверяли, что Кенигсберг никогда не будет занят большевиками. Один из немецких перебежчиков Герберт Криббен, обер-ефрейтор 95-й пехотной дивизии, показал, что им было подписано такое обязательство: «Я обязуюсь отсюда не отступать. Мне известно, что если я отойду без приказа, то буду расстрелян за трусость, а моя семья будет лишена государственной поддержки».

Другие пленные рассказывали, что эсэсовцы каждый день расстреливали дезертиров у здания Северного вокзала и затем подвешивали их за ноги, вниз головой, не разрешая вынимать из петли по нескольку дней. Списки казненных ежедневно публиковались в газете «Кенигсбергер цайтунг», и ежедневно командиры взводов обязаны были читать их от начала до конца перед строем своих подразделений.

Мужчины призывного возраста, оставшиеся после всех тотальных мобилизаций, направлялись в отряды «альарм». — роты тревоги, резервные части гарнизона. Остальные мужчины в возрасте от 16 до 60 лет забирались в отряды «фольксштурма» — так называемого «народного ополчения».

Выступавший по радио Вагнер призывал, заклинал и требовал. Он требовал одного — во что бы то ни стало удержать город, а выступавшие вслед за ним генералы обещали, что фюрер даст Кенигсбергу новое, секретное оружие сокрушительной силы.

Но пока что оружия не было. По улицам города маршировали седые, беззубые фольксштурмисты, громко распевая бодрые солдатские песни о великой Германии и победоносной германской армии. А в их мозгах назойливо крутились слова крамольной песенки, придуманной каким-то отчаянным остряком: «Вир альте Аффен — зинд нойе Ваффен», что означало: «Мы, старые обезьяны, являемся новым оружием!».

Со стен кенигсбергских домов на них смотрели черные силуэты вражеских лазутчиков в широкополых шляпах, с поднятыми вверх воротниками... Короткая подпись «ПСТ» призывала к осторожности и молчанию...

Кенигсберг готовился к отражению штурма, Советская Армия еще более напряженно и деятельно готовилась к последнему, решительному удару. Дни и ночи вокруг Кенигсберга кипела невидимая для врага упорная, настойчивая работа сотен тысяч советских солдат и офицеров.

Наземная и воздушная разведка выявляла и фиксировала расположение огневых точек противника. Тысячи глаз корректировщиков, разведчиков и наблюдателей со всех сторон следили за городом. Бинокли и стереотрубы с сотен наблюдательных пунктов были направлены туда, где зажатый тремя поло-

сами оборонительных сооружений и охваченный железным кольцом советских дивизий глухо шумел блокированный город. Над ним свистели снаряды и бомбы, громко стучали пулеметы штурмовиков и истребителей и бесшумно двигались затворы фотокамер, производивших аэрофотосъемку города. Эту съемку вели три специально выделенных авиационных полка, используя каждый час летной погоды.

День за днем новые и новые объекты противника наносились в советских штабах на карты и планы окруженного Кенигсберга. Все более точными и полными становились эти сведения, все меньше «сюрпризов» оставалось в распоряжении противника. И наконец наступил день, когда перед командирами корпусов, дивизий, бригад и полков лежала подробная карта Кенигсберга, испещренная сотнями надписей, цифр и знаков. Теперь каждый командир точно представлял себе тот район города, где несколько дней спустя придется вести бои его части или подразделению.

Между тем подготовка к штурму продолжалась: наиболее важные цели были заранее распределены между частями, все выявленные огневые точки — закреплены за расчетами. На каждую цель артиллеристы составляли подробную характеристику, «поведение» цели ежедневно записывалось наблюдателями, круглосуточно следившими за своими объектами.

Противник молчал, боясь выявить раньше времени огневые точки, очень тщательно маскировал объекты своей обороны, но,

несмотря на это, к середине марта все 24 форта, около 900 дотов и дзотов, 180 укрепленных каменных зданий и 106 наблюдательных пунктов были внимательно изучены нашими командирами. Каждый командир батареи имел разведывательные схемы и перспективные фотопанорамы закрепленного за ним сектора, каждый командир роты до мельчайших подробностей изучил поставленную перед ним задачу и с неослабевающим на минуту упорством готовил к выполнению этой задачи своих бойцов.

Во втором эшелоне 3-го Белорусского фронта шла напряженная боевая учеба. Советские воины тренировались в преодолении преград: они форсировали реки, штурмовали доты и дома, бросали гранаты, вели штыковые бои.

В ближайшем тылу, в лесах вокруг города строились новые склады, до самой крыши забитые ящиками с минами, бомбами и снарядами, к дальним окраинам Кенигсберга протягивались узкоколейные ветки железных дорог, по которым юркие маневровые паровозики тянули многотонные стальные туши орудий особой мощности. По ночам бесконечные вереницы машин перебрасывали с места на место перегруппировывающиеся пехотные батальоны, готовые в любую минуту броситься в наступление...

В конце марта вокруг Кенигсберга стояло так много войск, что артиллерийские батареи располагались в нескольких метрах друг от друга. Огромное количество техники, высвободившейся после разгрома хайльсберг-

ской группировки, было направлено к Кенигсбергу.

Ветераны боев на Волге и в Севастополе делились своим богатым опытом с новичками и теми солдатами, которым не приходилось участвовать в боях в городе.

Лучшие солдаты и офицеры фронта входили в состав штурмовых отрядов и групп. Численность штурмовых групп была различной. Чаще всего в штурмовую группу входило от 30 до 75—80 солдат и офицеров. Каждой штурмовой группе придавалось одно или два орудия, несколько станковых и ручных пулеметов, минометы и огнеметы. Наиболее крупным группам были приданы танки и самоходные орудия. Солдаты штурмовых групп были вооружены только автоматическим оружием, большим количеством гранат и патронов. Ядро штурмовых групп составляли коммунисты и комсомольцы. Это были не только прекрасные солдаты — мастера ведения боя, но и беспредельно преданные своей Родине воины, способные выполнить любую задачу. Высокий морально-политический уровень, великолепное боевое мастерство, чувство товарищества, смелость и физическая выносливость были неотъемлемыми чертами солдат и офицеров штурмовых групп.

Политические органы, партийные и комсомольские организации проводили большую разъяснительную и воспитательную работу во всех частях и подразделениях, подготовившихся к штурму. Из бесед солдаты узнавали, что русская армия, отражая натиск иноземных захватчиков, неоднократно быва-

ла у стен Кенигсберга. Они знали, что идут по дорогам, по которым шли солдаты Румянцева и Багратиона.

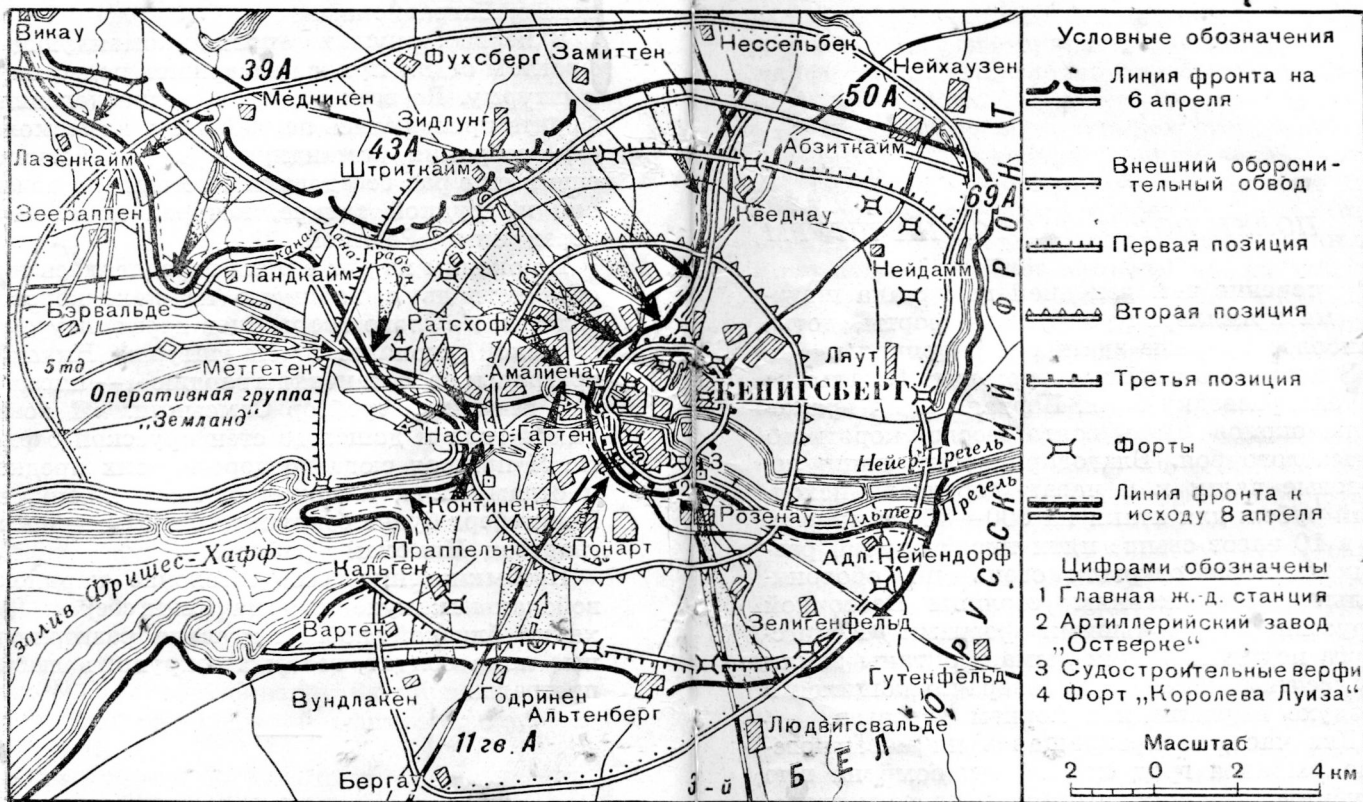
В первых числах апреля командующий фронтом отдал приказ завершить подготовку к штурму. Во всех частях и подразделениях фронта проводились партийные и комсомольские собрания, командиры и политработники еще и еще раз беседовали с воинами о почетной и трудной задаче, которая поставлена перед ними Родиной.

По окопам из рук в руки передавалась толстая тетрадь с надписью на коленкоровой обложке: «Слово гвардейцев перед штурмом прусской столицы». «На штурм! Никакие преграды не остановят гвардию», — писал в ней гвардии ефрейтор Самсыкин. «Я воюю уже 4 года и дошел до стен прусской берлоги. Я пришел сюда по дороге моих предков и отдам силы, а может быть, и жизнь, но Кенигсберг будет сокрушен навеки», — писал гвардеец Николай Грабков.

Необыкновенное воодушевление царило в войсках накануне штурма Кенигсберга. Дыхание близкой победы оведало разгоряченные лица солдат, готовых сокрушить любые преграды.

Штурм Кенигсберга 6—9 апреля 1945 г.

ПОЛКИ ПОДНИМАЮТСЯ НА ШТУРМ

В течение четырех дней до начала штурма артиллерия разрушала форты, доты, наиболее прочные здания и баррикады.

В ночь на 6 апреля штурмовые батальоны начали разведку боем. Первая линия вражеских окопов была взята после короткого штыкового боя. Благодаря этому наши передовые части к 8 часам перенесли исходный рубеж для атаки на 600—800 м вперед. А в 10 часов свыше пяти тысяч орудий разных калибров открыли огонь по оборонительным сооружениям столицы Восточной Пруссии. Над большими фортами Кенигсберга поднялись тучи дыма, фонтаны земли и десятки тяжело переворачивающихся в воздухе вырванных с корнем деревьев.

Два часа, не прекращаясь ни на мгновение, сыпался град снарядов и бомб на всю глубину немецких позиций первого и второго оборонительного обводов. К исходу первого часа артиллерийской подготовки орудия средних и крупных калибров снесли многометровый земляной покров, прикрывавший сверху внешние форты и доты крепости.

Вслед за этим тяжелые орудия и орудия особой мощности начали вести огонь на поражение. Их снаряды проламывали трехметровые кирпичные стены и сплющивали тяжелые танки так, словно они были сделаны из кусков жести.

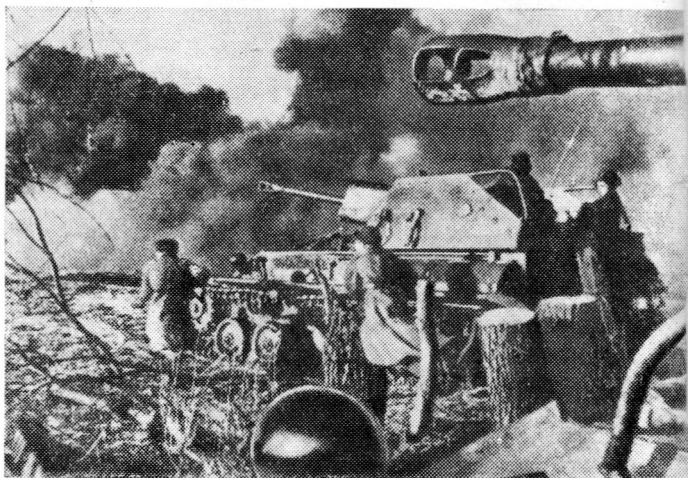
В 13 часов со всех четырех сторон на город двинулась всеокрушающая волна пехоты, танков и артиллерии. Артиллеристы катили орудия стволами вперед в боевых порядках пехоты. Пушки и танки с расстояния в несколько десятков метров били по амбразурам, ослепляя немецких стрелков и пулеметчиков, а в это время штурмовые группы просачивались между фортами и дотами, окружая и блокируя их со всех сторон: в «нерушимой» немецкой обороне после двух часов наступления появились первые бреши и трещины, а уже в середине дня весь первый оборонительный обвод трещал по швам, доживая свои последние часы.

...За спиной приготовившихся к атаке солдат еще гремели раскаты артиллерийской подготовки, а уже танкисты подполковника Охрименко выводили свои машины в поле, на противоположной стороне которого возвышался один из самых больших фортов Кенигсберга — «Король Фридрих». Обходя многочисленные воронки, танки двинулись к зловеще безмолвным капонирам форта. Артподготовка кончилась, когда до глубокого рва, наполненного водой, осталось не более четырехсот метров. Вот уже танкисты совершенно отчетливо увидели узкие щели бойниц и черного одноглавого орла, распластавшего крылья над центральными воротами

форта, но орудия форта по-прежнему молчали.

И лишь когда головные танки с длинными привязанными бревнами на бортах и башнях подошли вплотную к облицованному камнем рву, амбразуры «Короля Фридриха» впервые окутались пороховым дымом. Но советские танки не развернулись, не пошли назад, они вступили в артиллерийскую дуэль с крепостными орудиями форта.

Двадцать минут продолжался этот неравный бой. Советские танки, казавшиеся маленькими зелеными жуками по сравнению с черной громадой форта, беспрерывно меняя положение, ни на минуту не прекращали огня. Раскаленные зазубренные осколки ме-

Советские самоходные орудия и пехота идут на штурм Кенигсберга. 6 апреля 1945 г.

талла и ноздреватые, выщербленные куски бетона со свистом влетали в амбразуры толстостенных казематов. А в это время под прикрытием огня танков штурмовые группы офицеров Дзюбы и Федорова из подвезенных головными танками бревен вязали мост. Он еще не был готов, а уже на ту сторону рва по дрожащим, качающимся бревнам бежали солдаты с гранатами, взрывчаткой и огнеметами. Через несколько мгновений тяжелые связки противотанковых гранат полетели в окна первого этажа, окутанного дымным облаком взрывов. Полчаса спустя левое крыло форта взлетело на воздух, взорванное саперами штурмовой группы.

И когда на внутреннем дворе форта осела пыль, поднятая взрывом, в окнах второго этажа вдоль всего двухсотметрового фасада «Короля Фридриха» забелели флаги капитуляции.

Обреченный на разгром Кенигсберг выдал первую партию своих пленных...

Однако на других участках первого оборонительного обвода противник продолжал яростно сопротивляться.

Разнообразие оборонительных сооружений и средств борьбы порождало и разнообразие методов ведения боя. В условиях огромного, хорошо укрепленного города, каким был Кенигсберг, наши войска непрерывно меняли тактику, находя совершенно новые приемы борьбы с врагом. Исключительно ярким примером тактического мастерства явилось взятие самого большого форта Кенигсберга «Король Фридрих-Вильгельм Второй», прикрывавшего город с севера.

Этот форт, окруженный со всех сторон широким наполненным водой противотанковым рвом, железобетонными дотами и сотнями противотанковых и противопехотных мин, казался неприступным. Все окружающее форт пространство простреливалось кинжальным огнем пулеметов. За его каменными стенами, достигавшими трехметровой толщины, сидело более 400 немецких солдат и офицеров; 22 орудия и несколько десятков пулеметов вели огонь из каменного нутра «Короля Фридриха-Вильгельма Второго». Форт имел электростанцию, госпиталь и огромное количество боеприпасов, снаряжения и продовольствия.

Но расчет на то, чтобы продержаться несколько месяцев, не оправдался: форт пал к исходу второго дня штурма. Вот как это произошло. Когда над боевыми порядками советских войск, подготовившихся к атаке, еще летели глухо гудящие снаряды дальнобойных орудий, пулеметчик Иван Дворский из пулеметной роты 80-го стрелкового полка полковника А. М. Хохлова выбрался на противоположную сторону рва, остановившись примерно в 50 м от вражеских позиций. Засев в воронке от снаряда, он установил пулемет и стал ждать начала нашей атаки. В тот момент, когда первые штурмовые группы бросились ко рву и фашисты открыли по ним бешеный огонь из всех видов оружия, Дворский на выбор стал бить вражеских стрелков и пулеметчиков. 4 пулемета вместе с расчетами и около 50 гитлеровских солдат уничтожил в этом бою отважный воин.

Благодаря его смелости и находчивости

взвод лейтенанта Мирзы Джабиева из 806-го стрелкового полка, которым командовал полковник П. И. Запашков, смог переправиться через ров и залечь на фланге форта, приготовившись к последнему решительному броску. А в то время как взвод Джабиева под прикрытием огня пулемета Дворского сосредоточился на фланге вражеских позиций, подразделения 235-й стрелковой дивизии генерал-майора И. Л. Луцкевича окружили форт со всех четырех сторон и к концу первого дня наглухо блокировали его, отрезав от соседних узлов сопротивления.

На следующий день, 7 апреля, утром четверо саперов под прикрытием огня снайперов и пулеметчиков переплыли противотанковый ров и оказались на его южной стороне в нескольких десятках метров от стены форта. Это были саперы из взвода лейтенанта И. П. Сидорова, входившего в 175-й отдельный саперный батальон капитана Гончарова. Здесь они сняли и разминировали более двухсот немецких мин. Достав из них взрывчатку, саперы подползли вплотную к стене форта и заминировали ее в трех местах. Командир отделения рядовой Владимир Полупанов первым произвел взрыв, однако стена только треснула, но не обвалилась. Вслед за ним произвел взрыв лейтенант Сидоров, но и этого заряда оказалось недостаточно. Тогда Полупанов снял еще несколько десятков мин, вынул из них взрывчатку, подложил ее под стену форта и снова произвел взрыв. На этот раз стена рухнула. Гитлеровцы, обнаружив пролом, выскочили во двор форта и пошли в атаку, чтобы сбросить советских саперов в противо-

танковый ров. Но Полупанов огнем автомата и гранатами отбил атаку, уничтожив 12 гитлеровцев.

В это время лейтенант Сидоров подложил под стену еще 300 килограммов взрывчатки и второй раз, как и Полупанов, произвел взрыв. В образовавшуюся брешь Сидоров стал бросать одну за другой гранаты. Взрывом и гранатами лейтенант Сидоров уничтожил 76 солдат и офицеров противника...

К двум проломам в стене форта стали стягиваться наши штурмовые группы.

А неподалеку от Сидорова и Полупанова двое их товарищей, коммунисты старшина Петр Меренков и старший сержант Григорий Малыгин, закладывали в амбразуру капонира еще одну порцию взрывчатки. 72 мины сняли Меренков и Малыгин для того, чтобы взорвать капонир. И вот когда все уже было почти готово, старшину Меренкова тяжело ранило. Истекая кровью, Меренков все же установил запал, но в последний момент потерял сознание. Малыгин пополз на выручку своему другу и тоже был ранен. Теряя последние силы, Малыгин добрался до Меренкова, оттащил его почти в бессознательном состоянии за угол капонира и все же вернулся назад и взорвал капонир. Взрывной волной Малыгина отбросило ко рву. Его тело повисло над самой водой, и, возможно, Малыгин погиб бы, если в это время в воду не бросились бы наши солдаты, которые и спасли обоих героев.

В то время как Сидоров, Полупанов, Меренков и Малыгин блокировали форт с одной стороны, с другой стороны вторая группа са-

перов блокировала еще два каземата. Командир этой группы младший лейтенант Ишмай Ишкинин взорвал железобетонный каземат, внутри которого находились 4 пулемета и 45 вражеских солдат.

Второй каземат заминировала группа саперов под командованием сержанта Василия Курасова. Курасов, при-

готовившийся поджечь шнур, был тяжело ранен и упал у стены, но все же поджег шнур и взорвал каземат. Под развалинами каземата осталось еще 40 гитлеровцев.

После этого советские войска, блокировавшие форт, с трех сторон пошли на штурм. Первым поднял в атаку своих солдат сержант Алексей Кондруцкий. Его взвод шел впереди подразделений 806-го стрелкового полка. Под ураганным огнем сержант переплыл ров и первым из атакующих достиг одной из башен форта. Бросив одну за другой две связки гранат в амбразуры первого этажа, Кондруцкий уничтожил два пулемета и 10 вражеских солдат. Взвод в это время

Герой Советского Союза
лейтенант И. П. Сидоров

ударом с фланга выбил гитлеровцев из траншей и ворвался во двор форта. А на другом фланге старший лейтенант И. И. Ткаченко полз с группой солдат прямо на вражеские пулеметы, намеренно отвлекая весь огонь на себя. И в то время как внимание гитлеровцев было направлено на группу Ткаченко, главные силы его роты при поддержке огня двух наших батарей ринулись прямо на центр форта.

Солдаты Ткаченко в полный рост бежали к центральным воротам, в это время орудия батареи старшины Алексея Шубина с близкой дистанции вели огонь по амбразурам форта.

Старшина Шубин заменил раненого наводчика одного из орудий своей батареей и десятью выстрелами подавил огонь трех амбразур форта. Рядом с батареей Шубина артиллеристы 295-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона майора Успенского громили последний вражеский дот, прикрывавший подступы к «Королю Фридриху-Вильгельму Второму».

Наконец дот замолчал, и артиллеристы 1-й батареи дивизиона майора Успенского прокатили мимо него свои орудия и установили их прямо на краю рва, против стен и башен окутанного огнем и дымом форта. Одно орудие было разбито вражеским снарядом. Тогда его наводчик рядовой Федор Чирков вместе с пехотинцами пошел на штурм.

Блокирующая центр форта рота Ткаченко и наступающая рядом с ней штурмовая

группа старшего лейтенанта Р. Р. Бабушкина сквозь проломы в стенах ворвались во двор форта. В первых рядах наступающих были Чирков и Бабушкин. В рукопашном бою, завязавшемся во дворе, группа Бабушкина уничтожила 43 гитлеровских солдата и офицера, причем 12 солдат и 3 офицера уничтожил лично Бабушкин.

Герой Советского Союза
старшина А. П. Шубин

Рядовой Федор Чирков и командир отделения младший сержант Антон Соломаха ворвались в каземат форта и, уничтожив гранатами 27 гитлеровцев, взяли в плен 15. Когда они выводили пленных во двор форта, там, побросав оружие, уже стояли 254 солдата и офицера, прекратившие сопротивление и сдавшиеся в плен.

Вечером лейтенант Мирза Джабиев поднял на головной башне форта алое знамя. 22 орудия огромного форта подняли жерла в синее небо, а небо заглядывало в глубокие казематы «Короля Фридриха-Вильгельма Второго» сквозь 96 пробсин в его продырявленных стенах и крыше...

Когда-то надменные прусские короли отличались на стволах своих пушек хвастливую фразу: «Последний довод короля». Грубая военная сила, сила штыков и пушек, была их последним, самым веским доводом. В сражении за Кенигсберг эти убедительные аргументы были выбиты из вражеских рук силой победоносного советского оружия.

Удар, нанесенный по Кенигсбергу, был короток и стремителен, как удар молнии. И как при вспышке молнии невозможно охватить взглядом всего, так и во время этого штурма невозможно было разглядеть мельчайшие детали огромного эпического полотна битвы. И только позже, когда великие события становятся достоянием истории, современники и участники этих событий начинают понимать, что «мельчайшие детали», которых они тогда почти не замечали, теперь предстают перед изумленными потомками как героические деяния грозных и величественных дней, вписанных кровью и золотом на страницах истории и полотнищах гвардейских знамен.

...Подвиг старшего сержанта М. А. Булатова в те дни не получил большой известности. О Булатове было сказано предельно скупое, по-военному четко и чуть-чуть сухо: «Выполнение боевого задания...» А этот человек открыл путь на Кенигсберг десяткам наших танков и самоходок, пехотным и артиллерийским полкам 54-го стрелкового корпуса генерала Ксенофонтова.

Вот как это было. Ранним утром 6 апреля, когда советские войска заканчивали подготовку к атаке, командир 369-го отдельного саперного батальона 235-й гвардейской стрелковой дивизии капитан Тищенко, вызвав к себе старшего сержанта Булатова, приказал ему произвести инженерную разведку шоссе Кенигсберг — Раушен на участке, непосредственно примыкавшем к городу. Выполняя приказ комбата, Булатов вместе с тремя солдатами перелез через бруствер траншеи первой линии и по-пластунски пополз вперед. За несколько сотен метров до шоссе гитлеровцы обнаружили смельчаков и открыли по ним ружейный и пулеметный огонь. Прижимаясь к земле, саперы упорно ползли вперед. Но очень ровным было поле, очень точно вели огонь фашистские стрелки и пулеметчики и слишком мало было расстояние между гитлеровцами, засевшими в домах, и нашими воинами, ползущими на виду у противника... Двое солдат было ранено, третий убит. Оставшись один, Булатов продолжал ползти вперед, наскоро перевязав перед этим своих истекающих кровью товарищей.

И вот наконец шоссе. Его гладкая асфальтированная лента, чуть поблескивая на поворотах в полукилометре от города, вдруг распрямилась и безукоризненной прямой пролегла к окраине города. Окраина, изрытая окопами и переплетенная колючей проволокой, десятками амбразур и окон смотрела на шоссе, вдоль которого по придорожному кювету полз Булатов. Он миновал уже последний поворот и вдруг заметил, что

гладкое асфальтированное шоссе покрыто рваными, зазубренными кусками асфальта, неплотно подогнанными друг к другу. Было видно, что асфальтовое покрытие сначала было взломано, а затем вновь настелено на то же самое место. Булатов с трудом отвалил крайний кусок асфальта и увидел под ним врытую в насыпь крупнокалиберную авиационную бомбу, превращенную гитлеровцами в фугас нажимного действия. Булатов вывернул взрыватель бомбы и, осторожно положив его в кювет, снова выбрался на шоссе.

В пятистах метрах от окраины, на ровной, как стол, поверхности шоссе, лежал ничем не защищенный человек и кусок за куском отваливал тяжелые глыбы асфальта, один за другим обезвреживая смертоносные немецкие фугасы. А прямо над ним и совсем рядом с ним свистели вражеские пули и осколки. Если бы хоть одна пуля или осколок попали в очередной фугас, который в эти минуты обезвреживал отважный сапер, здесь осталась бы только глубокая черная яма. Булатов знал это и все же продолжал работать. 24 авиационные бомбы обезвредил старший сержант под ураганным огнем противника. А через несколько часов после того как Булатов совершил свой поистине героический подвиг, по шоссе пронеслись советские танки и самоходки, прокладывая пешеходную дорогу к окраине Кенигсберга.

У маленьких домиков кенигсбергских предместий начиналась вторая оборонительная позиция. Доты и надолбы, многорядная колючая проволока и минные поля, беско-

нечные линии траншей и ходов сообщения образовывали эту позицию, самую мощную из трех оборонительных позиций Кенигсберга.

Бои по прорыву второй позиции были очень тяжелыми. Первыми ворвались на окраины города части 235-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора И. Л. Луцкевича. Это произошло в районе Шарлоттенбурга. Сюда 6 апреля, во второй половине дня, командир отделения 801-го стрелкового полка гвардии старший сержант Иван Кокшаров вывел своих солдат — первых советских солдат, переступивших городскую черту Кенигсберга. Около 40 гитлеровцев уничтожило отделение Ивана Кокшарова в этом бою, возглавляя атаку всего батальона.

Успех, выпавший на долю Кокшарова, вскоре блестяще развил командир батальона 801-го стрелкового полка старший лейтенант Г. М. Нырков. В 14 часов батальон Ныркова достиг квартала 503, где были расположены казармы вражеских пехотных частей. Сковав казармы огнем артиллерии, Нырков обшел противника с тыла и, лично возглавив атаку, стремительным ударом овладел казармами, уничтожив при этом 350 гитлеровцев и захватив 10 минометных и артиллерийских батарей. Благодаря этому смелому маневру 801-й стрелковый полк подполковника А. М. Хохлова к вечеру дальше всех наших частей продвинулся в глубь города.

Обескураженный неудачей в районе Шарлоттенбурга, противник пытался в других районах города любой ценой удержать совет-

ские войска на линии первой оборонительной позиции.

В первый день штурма Кенигсберга особенно напряженные бои развернулись у западной окраины города, в районе Фридрихсберга, в трех километрах севернее поселка Метгеттен.

На этом участке 227-й артиллерийский полк подполковника Заяц и 68-й стрелковый полк полковника Онищенко (оба из 70-й стрелковой дивизии) натолкнулись на бешеное сопротивление гитлеровцев, стремившихся во что бы то ни стало задержать наши части на линии больших фортов Кенигсберга. После мощной артиллерийской подготовки наши пехотинцы и артиллеристы достигли поселка Фридрихсберг и завязали бой на его улицах. 7-я батарея 3-го дивизиона артиллерийского полка подполковника Заяц огнем своих пушек подавила уже несколько пулеметов и орудий противника, рассеяв и частично уничтожив около двух взводов вражеской пехоты, когда гитлеровцы перегруппировались и пошли в контратаку.

Одно из орудий 7-й батареи, которым командовал старшина Александр Обухов, было окружено гитлеровцами. До роты пехоты бросилось к орудью Обухова. Расчет Обухова в упор расстрелял атакующих гитлеровцев и, уничтожив 60 солдат и офицеров противника, отбил атаку.

В то время как старшина Александр Обухов отбивал атаку гитлеровцев на участке 3-го дивизиона, его бсевой товарищ сержант Константин Роденко — командир орудия 1-й батареи 1-го дивизиона 227-го артиллерий-

ского полка — на другом фланге полка отбил еще одну атаку противника, уничтожив 40 солдат и офицеров. Бой в Фридрихсберге не умолкал до глубокой ночи. Выбить противника из этого пункта 6 апреля так и не удалось.

В маленьком пригородном поселке на двух соседних улицах, а иногда и в соседних домах были свои и враги.

А между тем южнее Фридрихсберга советские войска уже перерезали железную дорогу Кенигсберг — Фишхаузен и заняли поселок Метгеттен.

К железной дороге Кенигсберг — Фишхаузен войска фронта шли с двух сторон: с севера наступала стрелковая дивизия генерал-майора Белоногова, с юга — дивизия полковника В. И. Кожанова. Гвардейцы Кожанова сковали перед фронтом своей дивизии три пехотных полка и четыре отдельных батальона противника, а тем временем 349-й стрелковый полк майора Меморского из дивизии генерала Белоногова стремительным ударом вышел к железной дороге с севера.

Особое мужество во время этого боя проявил стрелок 1-й пулеметной роты 349-го стрелкового полка ефрейтор Семен Гайдуков.

Утром 6 апреля, заметив большую группу гитлеровцев, сосредоточившихся для атаки, Гайдуков незаметно пробрался на вершину небольшой высоты и внезапно открыл огонь по скопившимся за высоткой гитлеровцам. Более 60 вражеских солдат и офицеров уничтожил на этой высотке отважный воин.

Развивая успех Гайдукова, 1-й стрелковый

батальон начал атаку и вскоре вплотную приблизился к окраине поселка Метгеттен. В этой атаке ефрейтор Гайдуков уничтожил восемь гитлеровцев и шестерых взял в плен, а затем ворвался в штаб минометной батареи и захватил ценные документы.

Во второй половине дня 6 апреля подразделения 19-го артиллерийского полка подполковника Чекмазова ворвались на улицы поселка Метгеттен и после короткого штыкового боя вышли к корпусам механического завода.

В этом бою был убит командир одной из наших стрелковых рот. Потеряв командира, солдаты прекратили наступление и залегли недалеко от ограды завода. И в этот момент командир отделения из взвода разведки старший сержант П. С. Шакаури, взяв на себя командование, поднял солдат в атаку. Ведя за собою роту, коммунист П. С. Шакаури лично в рукопашном бою, закипевшем на улицах Метгеттена, уничтожил двенадцать гитлеровцев. Когда поселок был полностью очищен от гитлеровцев, Шакаури водрузил на самом высоком здании Красное знамя.

Штурмовые группы 27-й гвардейской стрелковой дивизии генерала К. Я. Тымчика, наступавшие на Кенигсберг с севера, все глубже вгрызались во вражескую оборону, обтекая форты и доты, перерезая траншеи, выбивая гитлеровцев из щелей и укрытий.

К 18 часам внешний оборонительный обвод Кенигсберга с северной стороны был прорван по фронту на десять километров. К этому времени передовые отряды гвардейцев

уже продвинулись на три километра в глубину, оставив за спиной окруженные со всех сторон форты «Королева Луиза», «Мариенберг» и «Кведнау». К вечеру бой шел уже на чистеньких улицах городских предместий и в тихих яблоневых садах...

А в это время на всех других участках гигантского сражения, развернувшегося за город, советские войска продолжали теснить противника, очищая дом за домом, улицу за улицей. На западной окраине города в первой половине дня были наконец перерезаны железнодорожная магистраль и шоссе-ная дорога, соединяющие столицу Восточной Пруссии с ее морскими воротами — Пиллау. В 15 часов первые гвардейские части уже ворвались в предместье Иудиттен и в 20 часов начали выбивать гитлеровцев с территории целлюлозно-бумажного комбината, за которым, разветвляясь на множество рукавов, бежали рельсы железной дороги Кенигсберг — Пиллау, туго стянутые в один большой сверкающий узел в районе пригородного вокзала Ратсхоф.

Трудно сказать, где именно оказывал противник наибольшее сопротивление в первый день боев за город, упорные бои шли повсюду. Но, пожалуй, самые тяжелые бои были в районе южных фортов. Один из фортов, построенный в виде буквы «П», с двумя артиллерийскими батареями из шести 280-мм и четырех 210-мм орудий был очень сильно разрушен огнем нашей осадной артиллерии и сравнительно легко взят гвардейцами 1-й гвардейской Краснознаменной дивизии полковника П. Ф. Толстикова через несколько

часов после начала атаки. Другой, форт № 8, расположенный у самого залива и блокированный гвардейцами генерала С. С. Гурьева, яростно огрызался весь день до наступления темноты, задерживая вокруг себя большое количество наших войск.

Рядом с ним также упорно сопротивлялся форт «Кальген». Артиллеристы подполковника Коржинского, которые вели огонь по этому форту, окончив артподготовку, были переброшены на другой участок. Притаившиеся во время артподготовки гитлеровцы ожили, как только в атаку пошла наша пехота. Батареи форта открыли ураганный огонь по пехотному батальону майора Романа, который должен был захватить его, и вынудили пехотинцев на несколько часов залечь перед стенами «Кальгена». К вечеру наши пехотинцы выбили гитлеровцев из первой траншеи и к ночи захватили вторую траншею, вплотную приблизившись к окружающему форт рву, глубина которого равнялась семи, а ширина 25 м. Вдоль его внутренних стен, облицованных плитами серого камня, шла прочная железная ограда высотой в два метра. За оградой со дна рва поднимался центральный бастион форта, из амбразур которого не прекращался огонь автоматов и пулеметов. Пехотинцы Романова залегли в отбитых траншеях, дожидаясь наступления следующего дня. Противник всю ночь пускал ракеты, опасаясь внезапного нападения, и время от времени простреливал пустое пространство перед фортом, не давая советским солдатам сделать ни одного шага вперед.

* *

*

К исходу дня 6 апреля единой оборонительной системы Кенигсберга фактически уже не существовало: на первой позиции оставались отдельные разрозненные очаги сопротивления, вторая позиция была сильно разрушена. Большие форты наполовину были в наших руках, причем некоторые из них сдавались, не ожидая общей атаки. Так сдались форты «Канитц» и «Лендорф».

Форт «Канитц» после общей артиллерийской подготовки подвергся огневой обработке орудиями майора Кручины. Вслед за этим штурмовой отряд капитана Федорова плотно блокировал форт, дав возможность группе наших саперов подтащить к нему 25-кг ящики с толом. Поздно вечером, после того как взрывчатка была заложена под стены казармы и бастионов, капитан Федоров послал гарнизону «Канитца» ультиматум с предложением сдаться в плен, предупредив, что в случае отказа форт будет взорван. Через несколько минут из помещений форта стали выходить гитлеровцы. Здесь было захвачено 110 человек во главе с комендантом «Канитца» майором Махтом. Седой сухощавый майор, желая сохранить престиж храброго солдата, сделал вид, что не угроза капитана Федорова взорвать форт, а некоторые тактические соображения, приведшие его к выводу о беспечности сопротивления, заставили его принять этот ультиматум. «Мне было приказано,— сказал Махт,— сражаться до последнего солдата, но чудовищная сила артил-

лерию русских и наступление пехоты заставили меня сложить оружие. Я понял, что Кенигсбергу не устоять».

Вскоре это поняли и другие немецкие солдаты и офицеры: в два часа капитулировал форт «Лендорф», один из последних на северной окраине Кенигсберга. За час до этого два наших парламентаря — капитан Адашкевич и старший лейтенант Кузнецов — по спущенному для них гитлеровцами подъемному мосту перешли ров и спустились в подвалы форта. Один час дали на размышление вражеским солдатам и офицерам наши парламентаря, и уже через сорок минут 192 солдата и 5 офицеров выстроились у рва, сложив на землю оружие.

Успехи советских войск уже в первые часы штурма объясняются многими причинами. Самой важной из них явилась целеустремленная, хорошо организованная партийно-политическая работа в войсках, проведенная накануне штурма коммунистами, комсомольцами и политработниками.

Коммунисты и комсомольцы были не только активными пропагандистами и агитаторами, они были тем стальным ядром армии, вокруг которого спланивались беспартийные солдаты, сержанты и офицеры.

Коммунисты и комсомольцы были в первых рядах воинов. Это они поднимали в атаку роты и батальоны прославленных армий, дравшихся на улицах Кенигсберга, это они своим личным мужеством и бесстрашием по-

давали прекрасный пример десяткам тысяч советских солдат и офицеров. Уже в первый день штурма все наши воины узнали о подвигах двух коммунистов — старшего сержанта Г. Ф. Молочинского и старшины И. П. Чиликина.

В 12 часов 6 апреля, когда на Кенигсберг со всех сторон двинулись наши соединения, парторг стрелковой роты 993-го стрелкового полка 263-й стрелковой дивизии старший сержант Молочинский возглавил атаку роты и, выбив гитлеровцев из первой траншеи, завязал бой в глубине вражеской обороны. Но во время атаки на вторую линию траншей два вражеских пулемета заставили залечь стрелковую роту, не давая ни на шаг продвинуться вперед. Молочинский подкрался к одному из пулеметов и гранатами уничтожил его вместе с расчетом. В это время заработал второй пулемет. Решив во что бы то ни стало уничтожить и его, Молочинский бросился вперед и, швырнув связку гранат, взорвал его. Тридцать гитлеровцев бросились к отважному коммунисту. Двенадцать из них он уничтожил огнем автомата и кинулся в рукопашную. В этом бою он погиб, но рота, воодушевленная его подвигом, ринулась вперед и одержала победу. Бесстрашному коммунисту посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В той же дивизии, где служил старший сержант Молочинский, парторгом другой стрелковой роты был старшина И. П. Чиликин.

Утром 6 апреля Чиликин поднял свою роту в атаку и первым из солдат и офицеров

995-го стрелкового полка подполковника Х. М. Амбаряна ворвался во вражескую траншею. Забросав гранатами пулемет, Чиликин с пятью солдатами стремительно прошел по ходу сообщения во вторую линию траншеи и совершенно неожиданно для противника оказался у него в тылу. 150 гитлеровцев взял в плен старшина Чиликин со своими товарищами, а затем, продвигаясь дальше, гранатами подавил немецкий дот, мешавший нашему наступлению. Когда же у самой окраины Кенигсберга погиб командир роты, парторг Чиликин принял на себя командование и первым ворвался на улицы города.

Вслед за коммунистами шли их младшие товарищи — комсомольцы. Многие из них, несмотря на молодость, были закаленными, опытными воинами, сражавшимися с врагом не первый год. Среди воинов-комсомольцев, штурмовавших Кенигсберг, были солдаты, сражавшиеся под Москвой, остановившие полчища врага у берегов Волги; участники гигантских битв — на Курской дуге и под Корсунь-Шевченковским. На знаменах многих полков и дивизий, дравшихся на улицах Кенигсберга, горело по несколько орденов, а более половины знамен было оббито двухцветными гвардейскими лентами.

В одной из таких дивизий, прославившихся во время штурма Перекопа и форсирования Сиваша, служил комсорг стрелкового батальона 997-го стрелкового полка подполковника Рогалева младший лейтенант Андрей Яналов, прошедший вместе со своей дивизией славный боевой путь от предгорий

Кавказа до стен Кенигсберга. В конце четвертого года войны фронтовые дороги привели Андрея Яналова в Восточную Пруссию, а в апреле 1945 г. Яналов вместе со своим батальоном пошел на штурм Кенигсберга. В течение всех четырех дней штурма Яналов находился в первых рядах своего батальона, показывая пример мужества и бесстрашия.

В скупых строках личного дела младшего лейтенанта Яналова нет ярких, сенсационных фактов. Здесь хранятся документы, кратко рассказывающие о боевом пути этого мужественного человека и о четырех последних днях его жизни.

Последним листом его личного дела является реляция командира 997-го стрелкового полка подполковника Рогалева «О присвоении звания Героя Советского Союза комсоргу стрелкового батальона младшему лейтенанту Андрею Михайловичу Яналову».

В верхнем левом углу документа стоит короткая надпись: «Погиб 9 апреля 1945 года...» Документ написан сдержанным, четким языком военного донесения, но как много поистине героического встает перед нами за этими короткими скупыми фразами.

«6 апреля 1945 года комсорг стрелкового батальона Андрей Михайлович Яналов повел комсомольцев в атаку. Он первым ворвался во вражеские траншеи и, подавая пример мужества и бесстрашия, огнем автомата и гранатами лично уничтожил 21 солдата и двух офицеров противника. На следующий день, 7 апреля, в бою за квартал 281 Яналов первым ворвался в большой, сильно укрепленный каменный дом, превращенный

противником в опорный пункт, и в рукопашной схватке, завязавшейся внутри дома, уничтожил шесть гитлеровцев.

8 апреля на пути батальону встретился еще один дом, преграждавший путь нашим войскам. Младший лейтенант Яналов пробрался в дом, подавил гранатами два пулемета и уничтожил семь гитлеровских солдат. Яналов погиб во время заключительных боев за город 9 апреля 1945 года».

Штурмуя Кенигсберг, молодые воины-комсомольцы проявили не только мужество, героизм и стойкость, но и выдающиеся примеры боевого товарищества и взаимной выручки.

Во время ожесточенного сражения, развернувшегося на первой оборонительной позиции города, вражеские артиллеристы подбили наш танк Т-34. Бронебойный снаряд пробил башню танка, двое наших танкистов были ранены, а третий убит. К остановившейся посередине небольшой поляны машине бросились вражеские автоматчики, стремясь взять в плен оставшихся в живых советских воинов. 20 гитлеровцев бежали к подбитому танку, экипаж которого не подавал никаких признаков жизни. Но в это время с опушки небольшого леса, окаймлявшего поляну с запада, раздалась длинная автоматная очередь. Пять гитлеровцев упали мертвыми, остальные залегли и открыли огонь по опушке леса. А оттуда к танку полз советский солдат. Это был комсомолец Александр Людвиченко, рядовой 993-го стрелкового полка подполковника Л. С. Ермакова.

15 автоматчиков стреляли по маленькой одинокой фигуре, ползущей к танку. Пули свистели над головой, впивались в землю вокруг отважного комсомольца, но он упорно продвигался к танку, стремясь во что бы то ни стало опередить гитлеровцев. И вот наконец Людвиченко достиг цели. Пробравшись через нижний люк в танк, он увидел там двух тяжело раненных танкистов и убитого командира. Людвиченко наспех перевязал раненых. Спустившись на землю, танкисты медленно поползли к лесу. В нескольких метрах за ними полз Людвиченко, то и дело оглядываясь назад и отвечая короткими очередями на непрекращающийся огонь противника.

Но вот один из раненых припал к земле, не в силах сдвинуться ни на метр дальше. Людвиченко подполз к нему, взвалил его себе на спину и медленно потащил к лесу. Гитлеровцы поднялись во весь рост и бросились в атаку. Людвиченко сразу же открыл огонь и уничтожил 12 гитлеровцев. Остальные трое бросились бежать. Таким образом, из 20 немецких солдат 17 были уничтожены героем-комсомольцем. И самое главное — жизнь раненых танкистов была спасена.

На следующий день, 7 апреля, 993-й стрелковый полк подполковника Ермакова ворвался на улицы Кенигсберга. Все они были окутаны колючей проволокой и перегорожены противотанковыми надолбами. Каждый дом был крепостью. Недаром бойцы говорили: «Пишется «дом», а читается «дот».

В уличных боях 7 апреля Александр

Людвиченко огнем автомата и гранатами уничтожил два пулеметных гнезда в сильно укрепленных домах, преграждавших путь нашим войскам, и 10 гитлеровцев. А за два последних дня штурма, 8 и 9 апреля, он уничтожил еще два вражеских пулемета и 8 солдат и офицеров. Так, за четыре дня штурма только один этот воин подавил 4 пулеметные точки и уничтожил 35 гитлеровских солдат и офицеров. За проявленное мужество и блестящее выполнение воинского долга Александру Алексеевичу Людвиченко было присвоено звание Героя Советского Союза...

Но вернемся к событиям первого дня штурма. Советские войска, охватившие Кенигсберг с трех сторон стальными клещами, упорно шли вперед. Согласно замыслу командования, клещи все теснее сжимались у фортов Кенигсберга и затем стали дробить укрепления гитлеровцев, находящиеся на второй оборонительной позиции. Наконец, взломав каменный пояс укреплений, охватили кварталы города.

К вечеру 6 апреля основные силы советских войск достигли городских районов Кенигсберга. На второй оборонительной позиции только в некоторых предместьях, в господских дворах, разбросанных вокруг города, да на нескольких фортах, еще не взятых нашими войсками, продолжались бои.

Особенно упорными были бои в пригородном поселке Фридрихсберг и в господском дворе Вальдгартен. Борьба за двор развернулась сразу же после того, как был подан сигнал к началу штурма. Господский двор

Вальдгартен, расположенный на северной окраине города, представлял собою группу толстостенных каменных зданий, раскинувшихся на пологом холме, прикрытом небольшой, но важной высоткой, отмеченной на картах цифрой «36,0».

Высота 36,0 и господский двор оказались на направлении главного удара 13-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А. И. Лопатина.

Корпус Лопатина, наносивший удар на город с севера, главными силами обошел высоту 36,0, оставив возле Вальдгартена 264-й гвардейский стрелковый полк майора Гладкова и 51-й отдельный саперный батальон гвардии майора Орешкина.

Вначале саперы гвардии майора Орешкина двумя небольшими группами под командованием коммуниста командира взвода старшины Н. И. Галибина и старшего сержанта А. И. Егорова проделали проходы в минных полях и колючей проволоке, опоясывавших высоту 36,0, а затем добрались к доту, построенному на вершине высоты, и взорвали его. Вслед за этим старший сержант А. И. Егоров с четырьмя саперами под огнем противника подполз к канаве Ландграбен, превращенной в противотанковый ров, прикрывавший Вальдгартен с запада, и, сняв более 60 противотанковых мин на подступах ко рву, начал строить мост.

С наступлением темноты с другой стороны господского двора перешла в атаку группа бойцов из полка майора Гладкова. Ей предстояло взять еще один дот, построенный на высоте 23,5, и затем возглавить атаку своего

батальона. Во главе этой группы из пяти бойцов находился помощник командира взвода старшина С. А. Мельников.

Вокруг дота, опоясанного двумя линиями траншей, стояло шесть пулеметов, три миномета и батарея 77-мм пушек. Поздно вечером солдаты Мельникова покинули боевые порядки наших войск и по-пластунски поползли к вражеским позициям.

Еще днем Мельников пристально следил за противником и наметил примерный путь, который ему предстояло совершить ночью. Не замеченные гитлеровцами, Мельников и его бойцы миновали их боевое охранение, первую и вторую линию траншей и в темноте подползли к доту, врытому в вершину высоты 23,5.

Не теряя ни минуты, Мельников кинулся к доту и одну за другой бросил в амбразуру несколько гранат. Оставшиеся в живых гитлеровцы в панике стали выскакивать в двери дота, но тут же падали, сраженные меткими автоматными очередями Мельникова и его товарищей. 49 вражеских солдат уничтожили за несколько минут отважный старшина и его боевые друзья.

Группа Мельникова, оказавшаяся в самом центре вражеских позиций, расположенных у высоты 23,5, полностью деморализовала противника. Когда началась наша атака, эта группа сыграла решающую роль в овладении высотой. За смелость, инициативу и находчивость старшина Семен Алексеевич Мельников был удостоен звания Героя Советского Союза.

Смелые действия наших солдат и офице-

ров нередко ставили в тупик крепколюбых поклонников военного шаблона из гитлеровских штабов. Умный тактический замысел, подкрепленный бесстрашием и стойкостью солдат, как правило, ошеломлял противника и подавлял его волю к сопротивлению. Этим, в частности, и объясняется тот факт, что к концу штурма семьдесят процентов кенигсбергского гарнизона было взято в плен нашими войсками.

Но среди частей кенигсбергского гарнизона встречались и такие, которые дрались до последнего солдата. Так, например, один из южных фортов долго и упорно отбивал атаки гвардейского стрелкового батальона старшего лейтенанта Рагозина. Но вот наконец саперам удалось подорвать отвесные стенки рва, подтащив под огнем противника ящики со взрывчаткой. Прикрываясь огнем пулеметчиков и снайперов, бойцы переплыли ров, наполненный ледяной водой, и выбрались на противоположную сторону с веревками и лестницами. В это же время младший лейтенант Глен с группой бойцов обошел форт с фланга и, ворвавшись во внешнюю линию окопов, вступил в рукопашную схватку со взводом противника.

С другой стороны штурмовой отряд младшего лейтенанта Коделовского ворвался на внутренний двор форта и после короткого штыкового боя загнал гитлеровцев в казематы. На предложение старшего лейтенанта Рагозина сдаться они ответили огнем пулеметов. Тогда каземат был взорван.

Не менее упорный бой вела за соседний форт рота капитана Судьянова. Гитлеровцы

отчаянно сопротивлялись, но и эту крепость постигла та же бесславная участь. Окутанные клубами дыма форты Кенигсберга сдавались один за другим, как пиратские корабли, взятые на abordаж смелыми и решительными матросами.

Итак, уже в первый день штурма в грохоте артиллерийских залпов и зарницах выстрелов на улицы Кенигсберга твердой поступью вошла Советская Армия, обратившая в прах твердокаменные редуты Кенигсберга и планы его защитников.

Глава четвертая

БОИ В ГОРОДЕ

За первый день штурма Кенигсберга наступавшие на город с севера 43-я армия генерала А. П. Белобородова и 50-я армия генерала Ф. П. Озерова продвинулись на 4 км, наступавшая с юга 11-я гвардейская армия генерала К. Н. Галицкого прорвала в этот день южный участок первой оборонительной позиции и продвинулась на 3 км.

К утру 7 апреля наши войска взяли семь фортов первой оборонительной позиции и заняли 102 квартала на окраинах города.

Рано утром с десятков аэродромов поднялись советские бомбардировщики. 1440 самолетов в течение 45 минут непрерывно бомбили город. Над центром Кенигсберга стояли облака серой пыли, кружились куски железа, битого кирпича. Под прикрытием авиации и артиллерии советская пехота возобновила штурм города.

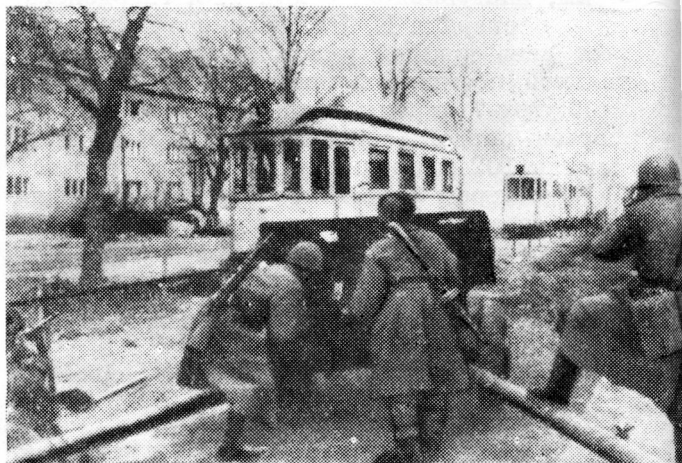
В южной части Кенигсберга войска 11-й гвардейской армии глубоко врезались в оборону противника, охватив с двух сторон район Континнен. Вражеские части, находящиеся в этом районе, оказались отрезанными

от своих основных сил и прекратили сопротивление. Вскоре 500 солдат и офицеров противника прошли под конвоем гвардейцев на сборные пункты пленных, возникавшие в разных концах города.

Соединения 11-й гвардейской армии продолжали штурм города, ломая яростное сопротивление его гарнизона.

Утром гвардейцы очистили от противника судостроительные верфи, оставшиеся почти не разрушенными. Противник успел взорвать только несколько порталных кранов и огромный плавучий док грузоподъемностью 2800 т.

Бои шли в заводском районе Кенигсберга — Понарт, в районе железнодорожного

Артиллеристы ведут бой на улицах Кенигсберга
7 апреля 1945 г.

депо, в цехах машиностроительного завода и завода металлоконструкций.

За несколько часов наступления наши войска в исключительно трудных условиях уличных боев продвинулись вперед на 2 км. Оставшийся в глубоком тылу блокированный гвардейцами стрелкового корпуса генерала С. С. Гурьева форт № 8 выкинул белый флаг. В плен сдались 154 солдата и 30 офицеров. Квартал за кварталом очищали от врага советские воины. Их автоматы и пулеметы трещали уже в гулких цехах комбината вооружения «Остверке», на подступах к железнодорожной товарной станции, вблизи фортов Литовского вала.

Уже вторые сутки шел штурм, а напряжение боя все возрастало. Чем дальше в глубь города отступали гитлеровцы, тем плотнее становились их боевые порядки, тем сильнее сопротивление. Впереди были еще сотни дотов, баррикад, орудий и десятки тысяч яростно сопротивляющихся фашистских солдат.

В маленьком пригородном поселке Фридрихсберг с утра начались еще более тяжелые бои, чем накануне, в первый день штурма. На рассвете значительные силы вражеской пехоты при поддержке танков и самоходных орудий «Фердинанд» перешли в контратаку, стремясь выбить наши подразделения из Фридрихсберга и выйти на линию окружного шоссе. 68-й стрелковый полк полковника Онищенко, закрепившийся в Фридрихсберге, встретил противника массированным огнем из орудий, пулеметов и автоматов. Несмотря на это, фашистские

Уличные бои в городе 7 апреля 1945 г.

солдаты с фанатическим упорством продолжали лезть вперед. Вскоре вражеские танки достигли окраины Фридрихсберга. На наиболее тяжелом участке гитлеровцев встретила 2-я пулеметная рота старшего лейтенанта Н. А. Катина. Отбив бешеный натиск врага, рота в течение трех часов удерживала группу домов на окраине Фридрихсберга.

В то время как рота старшего лейтенанта Катина крепко удерживала занятый рубеж, соседние подразделения вынуждены были отойти в глубь поселка, в результате чего гитлеровцам удалось окружить подразделение Катина.

Около полудня гитлеровцы снова перешли в решительную атаку, стремясь уничтожить

горстку храбрецов, засевших на окраине поселка. Ведя бешеный огонь из винтовок, автоматов, пулеметов и орудий, гитлеровцы, как саранча, лезли к домам, занятым пулеметной ротой. Отбивая натиск врага, пулеметчики понесли тяжелые потери, но выстояли.

Когда через несколько часов вражеские солдаты поднялись в пятую за этот день атаку опорного пункта роты, их встретили огнем только два пулемета. Эти пулеметы стояли в смежных комнатах и вели огонь попеременно. Как только замолкал один пулемет, сразу же начинал стрелять другой. Дело в том, что все бойцы роты Катина были либо убиты, либо тяжело ранены. Только Катин мог вести огонь по противнику, и он один, перебегая из комнаты в комнату, припадая то к одному, то к другому пулемету, непрерывно обстреливал неприятеля. Отважный офицер один отбил пятую атаку вражеской пехоты.

Убедившись в бесплодности своих попыток захватить последний обороняющийся дом, гитлеровцы решили разрушить его с помощью самоходного орудия «Фердинанд». Самоходка подошла почти вплотную к дому и открыла огонь. Часть стены с гулом обрушилась на землю. Не успели рассеяться дым и пыль первого взрыва, как раздался второй. Когда ветер рассеял дымную пелену взрывов, вражеские солдаты увидели, что их самоходка грузно осела на левую перебитую гусеницу, беспомощно уткнув в землю жерло своей длинной пушки. Это старший лейтенант Катин связкой гранат подбил «Фердинанда»

Герой Советского Союза
Н. А. Катин (снимок 1941 г.)

через несколько мгновений после того, как самоходка открыла артиллерию с к и й огнь...

Во время шестой атаки последний оставшийся у Катина пулемет замолчал. Герой-коммунист Катин, расстрелявший все патроны, с гранатой в руке стоял, прислонившись к притолоке, и когда гитлеровцы ворвались в ком-

нату, бросил гранату себе под ноги, взорвав вместе с собою шесть фашистских солдат.

Указом Президиума Верховного Совета СССР отважному сыну нашей Родины старшему лейтенанту Николаю Андреевичу Катину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Во второй половине дня 7 апреля 68-й стрелковый полк полковника Онищенко возобновил наступление и после упорного уличного боя выбил гитлеровцев из Фридрихсберга.

В этом бою особое мужество проявили сержант коммунист Д. И. Ефремов и командир орудия 1-й батареи 227-го артиллерийского полка сержант К. Г. Роденко. Когда нача-

лась атака пехотного батальона, в котором служил сержант Дмитрий Ефремов, он вместе со своим пулеметом выдвинулся вперед и, открыв губительный фланговый огонь, заставил залечь контратакующего противника. Во время второй вражеской контратаки, поддержанной танками, Ефремов подпустил гитлеровцев на 20 метров и затем отсек пехоту от ушедших вперед танков. После того как противник, не добившись успеха, начал отступление из поселка Фридрихсберг, Ефремов, вышедший на окружное шоссе, подбил гранатой штабную легковую машину, уничтожив несколько вражеских офицеров.

Другой герой, отличившийся в бою за Фридрихсберг, командир орудия сержант Роденко, еще днем 6 апреля огнем своего орудия уничтожил четыре пулемета, наблюдательный пункт и 75-мм пушку. Во время контратак гитлеровцев на Фридрихсберг, начавшихся утром 7 апреля, сержант Роденко отбил одну из них, уничтожив более 40 солдат и офицеров противника. Когда же снаряды его орудия стали рваться настолько близко, что их осколки начали стучать по щиту орудия, Роденко во главе расчета кинулся с автоматом наперевес в гущу противника и в рукопашной схватке отбил его натиск, лично уничтожив трех гитлеровцев.

Отражая вторую атаку противника, сержант Роденко подбил самоходное орудие «Фердинанд», рассеял огнем своей пушки взвод вражеской пехоты и снова, как и при отражении первой атаки, когда гитлеровцы подошли вплотную к его орудью, во главе

своего расчета бросился в рукопашную. Вторая атака была отбита с большими для гитлеровцев потерями.

Во второй половине дня части полковника Онищенко и подполковника Заяц с боем вступили в городские районы Кенигсберга.

А в это время их сосед, 1336-й стрелковый полк 319-й стрелковой дивизии, которым командовал гвардии подполковник Шапор, после непродолжительной, но интенсивной артиллерийской подготовки начал атаку форта № 6 «Мариенберг». Этот форт был окружен двойной линией траншей и дотов. Все пространство перед ним простреливалось кинжальным огнем пулеметов и автоматов. Наша пехота, поднявшаяся в атаку, вскоре вынуждена была залечь. Нужно было пробить брешь хотя бы в одном месте вражеской обороны, чтобы нарушить ее неуязвимость. И вскоре такая брешь была пробита. Северо-западнее форта «Мариенберг» продвижению наших войск мешал немецкий дот. Из-за пулеметного огня этого дота пехота не могла сделать ни одного шага вперед. Нужно было уничтожить огневую точку противника.

Командир роты поставил перед комсомольцем младшим сержантом Николаем Королевым задачу — уничтожить вражеский дот. Плотнo прижимаясь к земле, используя каждый встречный бугорок, каждую ложбинку, Королев по-пластунски пополз к доту, неся на поясе и в руках несколько гранат и ручной пулемет.

Вражеские пулеметчики не заметили, как Королев подобрался к доту вплотную и с

расстояния около 10 м швырнул гранату в пулеметную амбразуру. Вслед за первой в амбразуру влетели еще две гранаты, и дот замолчал. Выскочившие из дверей дота гитлеровцы вынуждены были залечь под меткими очередями пулемета. Королев, устроившись в воронке от авиационной бомбы, начал вести обстрел траншеи противника. Из-за меткого огня советского воина гитлеровцы не могли больше обстреливать боевые порядки наших наступающих войск.

Тогда гитлеровцы стали обстреливать воронку, в которой находился Королев, из орудия и нескольких минометов. Но как только артиллерийско-минометный огонь прекращался, из воронки вновь и вновь раздавался треск пулемета отважного воина-комсомольца.

Убедившись в бесполезности попыток подавить огнем советский пулемет, гитлеровцы вылезли из окопов и стали ползком подбираться к Королеву. Когда до позиции осталось несколько десятков метров, они поднялись в полный рост и со штыками наперевес бросились в атаку. Королев гранатами и пулеметным огнем отбил натиск гитлеровцев и продолжал обстрел вражеских траншей. И вот тогда-то из окопов противника раздались короткие пулеметные очереди. Уже по первым выстрелам своего нового противника Королев понял, что это был пулеметчик-снайпер, опытный и опасный враг. Пули свистели совсем рядом, поднимая фонтанчики земли у самого пулемета. Вражеский пулеметчик был опытен и точен, но и Королев не соби-

Герой Советского Союза
старший сержант А. И. Егоров

рался ему уступить. Через несколько минут фашист замолчал.

Еще несколькими минутами позже в атаку пошла наша пехота. Королев, находившийся впереди наступающих, первым ворвался в окопы противника и в рукопашной схватке уничтожил нескольких гитлеровцев. Вскоре форт «Мариенберг» был взят. За боевые

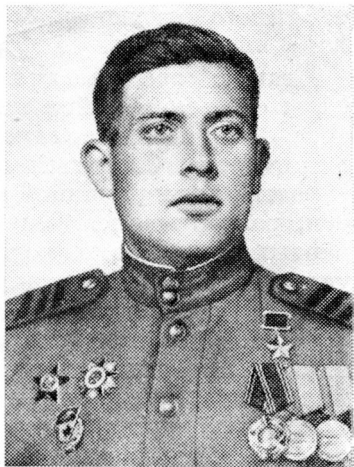
подвиги, совершенные при штурме Кенигсберга, Николай Михеевич Королев был удостоен звания Героя Советского Союза.

В то время когда начались бои в Иудиттене, 51-й отдельный саперный батальон гвардии майора Орешкина оказывал пехоте содействие в завершении боев по очищению от гитлеровцев господского двора Вальдгартен. Саперы этого батальона — старший сержант А. И. Егоров и сержант И. Н. Федосов отличились и в бою за кирпичный завод, расположенный неподалеку от пригорода Ратсхоф. Храбрые саперы первыми ворвались в Ратсхоф. Егоров и Федосов вместе

с шестью саперами сразу же стали готовить взрыв сильно укрепленного дома, стоявшего на окраине. В нем находился довольно крупный гарнизон гитлеровцев, вооруженный пятью крупнокалиберными пулеметами.

Заметив саперов, гитлеровцы атаковали их. По силе противник превосходил наших солдат в четыре раза, но, несмотря на это, Егоров и его товарищи отбили атаку, уничтожив всех гитлеровцев. Вслед за этим они заложили фугасы, взорвали дом, ликвидировав и опорный пункт и засевший в доме гарнизон.

Сержант Иван Федосов, оказавшись на улицах Ратсхофа, вначале успешно продвигался вместе со своим отделением вперед, но затем был отрезан гитлеровцами от батальона и попал в трудное положение. Пять ожесточенных атак противника отбило отделение Ивана Федосова, причем последнюю атаку пришлось отбивать трофейным оружием, так как у саперов кончились все боеприпасы. Противник отступил, оставив у позиций

Герой Советского Союза
сержант И. Н. Федосов

отважного отделения более 70 убитых солдат и офицеров.

Итак, к середине дня 7 апреля основные силы советских войск находились уже в городе, наступая по направлению к центру Кенигсберга. Звездный штурм Кенигсберга, начатый одновременной атакой с восьми сторон, развертывался успешно. Однако уже в первый день стало ясно, что наибольшего успеха наши войска добились на двух направлениях: на южном — там, где наступала 1-я гвардейская стрелковая дивизия полковника П. Ф. Толстикова (11-я гвардейская армия), и на северном — там, где навстречу Толстикову шли части 87-й гвардейской стрелковой дивизии генерала К. Я. Тымчика (43-я армия). Соединение на северо-западной окраине Кенигсберга советских войск, наступавших навстречу друг другу, отрезало гарнизон города от Земландской группировки и от моря. Здесь к середине дня 7 апреля развернулись наиболее ожесточенные бои. Советское командование вводило все новые и новые силы — десятки новых орудий, танков и реактивных установок. Огненная метла артиллерийского наступления тщательно прочистила улицы и площади южных районов города. А вслед за тем волны пехоты смыли последних защитников южной части Кенигсберга в клокочущую от взрывов воду реки Прегель...

Во второй половине дня 7 апреля гвардейцы полковника Толстикова первыми в 11-й гвардейской армии начали переправу на правый берег реки Прегель.

В то время как передовые подразделения 1-й гвардейской стрелковой дивизии залегли у каменных быков взорванного гитлеровцами большого железнодорожного моста через Прегель, основные силы дивизии заняли территорию главной железнодорожной товарной станции Кенигсберга, забитой тысячами вагонов и паровозов...

Тридцать первоклассных асфальтированных шоссе и девять железнодорожных линий проходило через Кенигсберг. Сотни тысяч тонн грузов перевозилось по этим путям, и почти все они перегружались, сортировались и упаковывались на этой товарной станции. Бесконечные вереницы вагонов, платформ и паровозов стояли на десятках переплетающихся железнодорожных путей. Горы мебели, станков, разбитой, привезенной на ремонт военной техники и снаряжения забивали многокилометровые платформы и десятки блокгаузов станции. Здесь было все: авиационные моторы и детские игрушки, сельскохозяйственные машины и театральные реквизиты, солдатское обмундирование и мраморные статуи, сотни тысяч вещей, сметенных вихрем войны на товарный двор Кенигсберга из многих городов поруганной и ограбленной фашизмом Европы.

А между вагонами и платформами уже кипела работа. Сотни солдат вязали доски и бревна в плоты, готовясь к форсированию Прегеля, на обоих берегах которого все яростнее и громче грохотал бой.

Форсирование реки даже в полевых условиях считается трудной задачей. В условиях

же уличных боев в большом, хорошо укрепленном городе эта задача усложняется во много раз. И все-таки солдаты и офицеры 1-й гвардейской стрелковой дивизии успешно справились с нею. Под прикрытием огня сотен орудий и десятков самолетов гвардейцы передовых советских частей на понтонах, плотках, досках и бревнах, ведя огонь из всех видов оружия, двинулись к правому берегу реки. Перегруженные орудиями плоты и понтоны уходили под воду; по пояс в воде, под дождем осколков и пуль артиллерийские расчеты вели непрерывный огонь из орудий, наполовину погруженных в воду.

К вечеру дивизия широкой дугой охватила второй ботанический сад, холодильник и газовый завод, пробиваясь к линии железной дороги, за которой возвышалась обрывистая круча большого лесистого холма, покрытого каменными кладбищенскими обелисками. В трех километрах севернее кладбища, приближаясь с каждым часом, наступала 87-я гвардейская стрелковая дивизия генерала К. Я. Тымчика — ударное соединение 43-й армии генерала А. П. Белобородова. Гвардейцы Тымчика дрались уже среди садов и особняков района Амалиенау, самой аристократической части Кенигсберга, застроенной домами торговцев, промышленников и генералов.

Солдаты наступающих частей все явственнее слышали неистовый гул орудий, доносящийся со стороны идущих им навстречу боевых товарищей.

В боях 7 апреля, так же как и в первый день штурма, советские воины проявили массовый героизм.

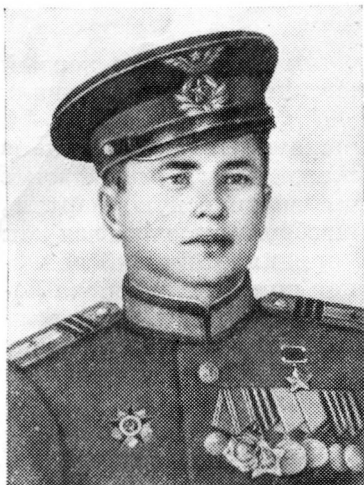
Так, младший сержант Иван Кутурга из 682-го артиллерийского полка, на фронте вступивший в Коммунистическую партию, еще до штурма Кенигсберга прославился как отличный наводчик орудия, отбивший танковую атаку гитлеровцев при взятии города Лабиау и штурма поселка Куменен. Сопровождавший при штурме Кенигсберга со своим орудием одну из штурмовых групп младший сержант Кутурга только за один день, 7 апреля, уничтожил восемь пулеметных гнезд, бронетранспортер и до 20 солдат противника.

Его товарищ по оружию старший сержант коммунист Н. И. Кузнецов из 369-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона в этот же день прямой наводкой разбил два вражеских дзота, уничтожил 75-мм пушку и истребил до взвода гитлеровцев.

Не менее успешно действовали другие прославленные артиллеристы: младший сержант Алексей Халецкий из 997-го стрелкового полка подполковника Рогачева и сержант Василий Глазков из 369-го противотанкового дивизиона.

Младший сержант Халецкий только во время отражения атаки в ночь на 8 апреля огнем своей пушки уничтожил шесть пулеметов, два миномета и более 20 солдат противника.

Сержант Василий Глазков до штурма Кенигсберга в апреле 1944 г. громил гитлеров-

Герой Советского Союза
сержант И. В. Кутурга (снимок 1946 г.)

цев в Крыму, на разрушенных улицах Севастополя. Через год его орудие, прошедшее тысячи километров, вдребезги разбивало каменные и бетонные сооружения Кенигсберга. Три танка, два дзота и более 30 гитлеровских солдат и офицеров уничтожил Василий Глазков во время штурма Кенигсберга.

Среди гвардейцев, наступавших на город с юга, был младший брат легендарной героини Великой Отечественной войны Зои Космодемьянской — гвардии старший лейтенант Александр Космодемьянский. 8 апреля самоходное орудие Космодемьянского, шедшее впереди наших наступающих войск, первым ворвалось в ворота форта «Королева Луиза», одного из крупнейших фортов Кенигсберга. Развивая вместе с пехотой наступление, самоходное орудие Александра Космодемьянского подавило пулеметную точку противника и вскоре ворвалось на улицы города.

Много героев прославили свои имена в эти дни при штурме Кенигсберга. Изуми-

тельные подвиги совершили 7 апреля советские воины, но, пожалуй, самым изумительным был подвиг восьми наших саперов из 51-го отдельного саперного батальона во главе с коммунистами — младшим лейтенантом А. М. Родителевым и сержантом Сатымом Нурметовым.

В середине дня саперы этого батальона обнаружили в небольшом лесу у северо-западной окраины Кенигсберга 15 артиллерийских орудий. Не замеченные вражескими артиллеристами, саперы подобрались почти вплотную к огненным позициям дивизиона и стали наблюдать за противником.

Выяснив, что большинство офицеров противника находится на командном пункте дивизиона, расположенном в центре огневых позиций, младший лейтенант Родителев приказал сержанту Нурметову взять четырех саперов и, обойдя вражеские батареи с фланга, внезапно напасть на крайние орудия.

Когда Нурметов вывел своих бойцов на

Лейтенант А. А. Космодемьянский (снимок 1944 г.)

Герой Советского Союза лейтенант А. М. Родителев (снимок 1946 г.)

фланг огневых позиций, Родителев с четырьмя другими саперами с криком «ура» выскочил из кустов и кинулся к вражескому командному пункту. За несколько секунд офицеры противника были уничтожены гранатами и огнем автоматов.

В этот же момент группа Нурметова напала на артиллеристов с фланга.

Потеряв своих офицеров, фашистские вояки растерялись настолько, что, не оказывая сопротивления нашим солдатам, кинулись врассыпную от орудий, а 25 гитлеровцев остались стоять с поднятыми вверх руками.

Однако вскоре около 100 гитлеровцев, оправившись от испуга, собрались в лесу и попытались отбить брошенные ими орудия. Три контратаки отбили саперы младшего лейтенанта Родителева, истратив все гранаты и расстреляв все патроны. А когда кончились боеприпасы, Сатым Нурметов развернул против гитлеровских солдат трофейное орудие и открыл огонь прямой наводкой.

40 солдат и офицеров противника было уничтожено при отражении этих контратак. Вскоре на помощь отважным саперам подоспели бойцы батареи гвардии капитана Родина из 39-го артиллерийского полка. Когда они сменили героическую группу Александра Родителява, им было передано 15 исправных немецких орудий и более 30 пленных гитлеровцев.

* * *

*

С утра 8 апреля штурм Кенигсберга продолжался с новой силой. К 12 часам был занят вагоностроительный завод. Гитлеровцы отлично понимали, что, если они не выдержат страшного натиска советских войск и допустят соединение наступающих навстречу друг другу армий, часы Кенигсберга будут сочтены. Поэтому в слепом бешенстве обреченных на смерть людей они начали яростные контратаки. После того как тридцать пятая контратака была отбита, остатки разгромленной дивизии противника отхлынули в развалины домов, расположенных севернее вагоностроительного завода. А когда к этим домам, нарастая с каждой секундой, покатились сразу с двух сторон могучее русское «ура», из развалин и подвалов полезли сдающиеся в плен гитлеровцы.

Соединившись в районе Амалиенау, войска 11-й гвардейской и 43-й армии отсекали от города его северо-западную часть.

Все дальше в глубь города, в горящие, разрушенные кварталы центра, отходили остатки частей вражеского гарнизона. Они уже не могли остановить нашего наступления. Все

чаще наши радисты ловили в эфире полные растерянности и отчаяния радиogramмы, посланные командирами немецких частей и соединений.

«Мы понесли огромные потери. Где обещанные вами резервы? Моя пехота не может сдержатъ натиска русских... Все отступают без приказа, снарядов нет», — передавал по радио один из командиров дивизии коменданту Кенигсберга генералу от инфантерии Ляшу. Но Ляш ничем не мог помочь своим генералам.

Бои все приближались к центру города. Перемотанные колючей проволокой баррикады и завалы перегораживали все его улицы и переулки. Баррикады на улицах, упирающиеся в массивные каменные стены, представляли собой трудно преодолимую преграду на пути наших частей.

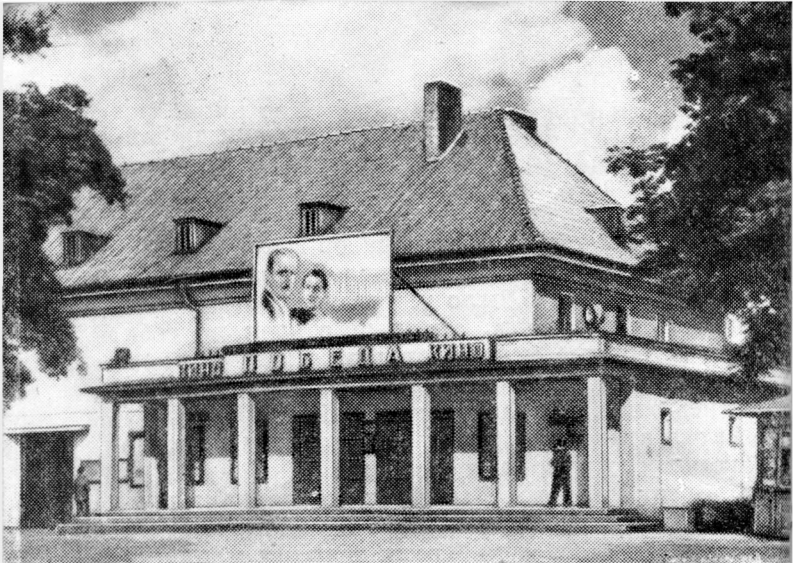
Штурмуя одну из таких баррикад, подразделения 550-го стрелкового полка майора Брюхнова, не имея возможности для маневра, несколько часов безуспешно пытались выбить из нее гитлеровцев. Наконец помощнику командира взвода старшему сержанту В. С. Гуровому с двумя бойцами-автоматчиками удалось дворами и подвалами выйти в тыл баррикады. Пробравшись на чердак трехэтажного дома, находящегося позади баррикады, Гуровой установил в слуховом окне ручной пулемет и открыл огонь вдоль улицы.

Гитлеровцы в панике заметались, разбегаясь во все ближайшие подъезды и подворотни, но, придя в себя, группой в 30 человек атаковали дом, на чердаке которого засел

Гуровой. Во время перестрелки, завязавшейся между гитлеровцами и советскими войсками, два бойца, занявшие чердак вместе с Гуровым, погибли. Оставшись один, Василий Гуровой в течение двух часов гранатами отбивался от нападавших гитлеровцев. 27 вражеских солдат было уничтожено отважным советским воином, который отвлек на себя значительные силы противника и тем самым ослабил оборону баррикады. Воспользовавшись этим, подразделения майора Брюхнова вновь атаковали баррикаду и взяли ее после короткого рукопашного боя...

В тот же день, 8 апреля, на чердаке другого дома, расположенного в районе старого кладбища, советский воин гвардии младший сержант В. М. Дровник, так же как и Василий Гуровой, несколько часов отбивал ожесточенные контратаки противника, вклинившегося в боевые порядки правого фланга 87-й гвардейской стрелковой дивизии.

Около 50 гитлеровских солдат и офицеров уничтожил пулеметчик 5-й роты 262-го гвардейского стрелкового полка гвардии майора Артыщука Владимир Дровник, отбивая эти контратаки. Лишь после того как неприятель открыл по чердаку, где находился Дровник, артиллерийский огонь, отважный пулеметчик спустился вниз, установил пулемет на кладбище, усеянном трупами гитлеровцев, и вновь открыл огонь. Еще две вражеские контратаки были отбиты, еще 25 гитлеровцев нашли свой конец от огня пулемета младшего сержанта. А когда немецкая мина разбила пулемет Дровника, он, взяв винтовку, поднял бойцов в атаку и одним из

Здание, возле которого 8 апреля 1945 г. встретились войска 43-й и 11-й гвардейской армий (ныне кино-театр «Победа»)

первых солдат 43-й армии встретился с солдатами 11-й гвардейской армии. Радостной была встреча героев-воинов, прорвавшихся сквозь огнедышащие укрепления Кенигсберга. Крепкие рукопожатия и жаркие объятия как бы символизировали тот факт, что могучие руки двух прославленных армий железной хваткой сомкнулись на горле обреченного кенигсбергского гарнизона.

Отныне часы Кенигсберга были сочтены. Сразу же после этого войска 11-й гвардейской армии к середине дня очистили от противника всю южную часть Кенигсберга и завязали бои в центре города.

К вечеру, поставив орудия у разрушенных стен церкви, на горе Оберхаберберг, советские артиллеристы прямой наводкой начали обстреливать центр города. К этому времени линия фронта проходила в нескольких сотнях метров от здания биржи и разводных подъемных мостов через Прегель. Впереди оставались городские районы, окруженные внутренним оборонительным обводом — Кнайпхоф, Альтштадт и Лебенихт. Перегороженные баррикадами, усеянные надолбами, окутанные колючей проволокой, они готовы были отбить любую атаку.

Центр еще держался, а во всех других частях Кенигсберга разрозненные очаги сопротивления подавлялись один за другим: артиллеристы, саперы и огнеметчики «выкурили» наконец гарнизон форта «Кальген», поздно вечером сдался последний форт внешнего обвода — «Гнейзенау».

Во второй половине дня 8 апреля части 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерала С. С. Гурьева вышли на набережную Прегеля в самом центре старого города.

Утром 9 апреля полк подполковника А. М. Иванникова (1-я гвардейская стрелковая дивизия) овладел кенигсбергским кафедральным собором. Не задерживаясь ни на минуту, полк Иванникова начал переправу через Прегель. Все больше и больше солдат оказывалось на правом берегу реки. Уже по наведенным понтонным мостам ползли «тридцатьчетверки» и бронетранспортеры, а далеко сзади в лабиринте отбитых у противника улиц скапливались тяжелые орудия Резерва Главного командования.

Дом за домом очищали наши бойцы от фашистов, одна узкая улица сменяла другую, но противник все так же упорно цеплялся за каждый двор, каждый переулок, каждую подворотню.

Наконец к 15 часам наши солдаты вышли на тесную круглую площадь, в которую с трех сторон вливались улицы, перегороженные бетонными надолбами и баррикадами, окутанными колючей проволокой. С четвертой же, северной, стороны над площадью возвышалась серая глыба королевского замка.

Четыреста лет возвышались над городом грозные башни старого замка. Четыреста лет на девяностометровой колокольне замковой церкви большие часы равнодушно отсчитывали время. Их стрелки описывали круг за кругом, когда губернатор Восточной Пруссии генерал-квартирмейстер Василий Иванович Суворов въезжал в ворота кенигсбергского замка, приветствуемый чинами магистрата и почтительно склонившимися бюргерами. Их стрелки описывали круг за кругом, когда император Франции Наполеон Бонапарт — маленький толстый человек в сером сюртуке и треугольной шляпе — скакал на коне вдоль пестрых шпалер французских гвардейцев, готовясь к походу на Москву. Мимо стен королевского замка шли на Россию егеря и драгуны кайзера в 1914 г. Отсюда в июне 1941 г. в закрытой штабной машине к неманским переправам выехал Риттер фон Лееб — гитлеровский фельдмаршал, командовавший двадцатью шестью дивизиями, для того чтобы ранним утром 22 июня нанести

внезапный предательский удар по мирно спавшей стране.

Четыреста лет шли часы на колокольне замковой церкви. Русский снаряд прекратил их ход — стрелки замерли — им незачем было отсчитывать время: часы Кенигсберга были сочтены.

Уже девять часов шел не прекращающийся ни на минуту штурм старого города, девять часов качалась земля от взрывов снарядов и бомб, но напряжение боя все росло и росло. К 18 часам оно достигло своей высшей точки.

Над замком в три этажа висели советские самолеты. Выше всех плыли тяжелые бомбардировщики, ниже действовали «петляковы», еще ниже, почти цепляясь за шпиль колокольни, выскивая окна в сплошной пелене дыма, ныряли, поблескивая молниями «катюш», штурмовики «ильюшины».

Башни старого замка, достигавшие в отдельных местах четырехметровой толщины, трескались от сокрушительных взрывов огромных фугасных бомб. Окутывая внутренний двор красной кирпичной пылью, в стены замковых построек с воем врезались ракеты «катюш» и тяжелые тупоносые болванки бронебойных снарядов. Орудия подполковника Гунько и гвардии подполковника Олейника, выдержавшие три месяца назад артиллерийскую дуэль с дотами линии «Дайме», теперь в упор расстреливали главную цитадель, поднимая на воздух тяжелые глыбы камней и бетона.

И когда стало ясно, что ничего живого не

осталось в этом каменном мешке, засыпанном смертоносным раскаленным металлом, в атаку поднялась пехота. В грязных, порванных ватниках, в помятых касках, осунувшиеся от двух бессонных ночей, шли через дымящиеся горы камней советские пехотинцы, заканчивая героический тысячедневный поход, начатый на полях Подмосковья и у берегов Волги.

Но крепки оказались немецкие стены, глубоки погреба, живучи господа офицеры, засевшие в замке... Из-под земли и развалин, захлебываясь, залаяли пулеметы — первая волна атакующих легла, не добежав десяти метров до цели. И снова огонь. И вот уже новая волна зеленых ватников и серых шинелей захлестывает последние камни площади и вливается в окна, двери, ворота и проломы разгромленной цитадели...

Через час 600 офицеров лежали, уткнувшись в горячие камни и черные лужи талого снега, в подвалах, в коридорах и комнатах старого королевского замка: штыки добрались до тех, кого миновали снаряды.

Вечером 8 апреля первые советские подразделения, наступавшие с севера, появились в районе Кенигсбергского зоопарка. Батальон капитана А. И. Рыбникова, занявший прилегающие к зоопарку районы вместе с 690-м стрелковым полком подполковника Е. М. Саленко и 358-м артиллерийским полком подполковника К. И. Редкого, начал атаку зоопарка. Противник, засевший в домах по улице Моцартштрассе, оказывал отчаянное сопротивление. Но бойцы 2-го стрелково-

го батальона капитана А. И. Рыбникова, выбивая гитлеровцев из одного дома за другим, все ближе и ближе подходили к каменной ограде, за которой раскинулся зеленый массив зоопарка.

И вот здесь, совсем недалеко от цели, смертью героя погиб командир отделения 2-го стрелкового батальона 690-го стрелкового полка младший сержант Г. П. Головенский, отличившийся еще 6 апреля 1945 г., когда его полк пошел на штурм Кенигсберга.

Гай Головенский шел в бой с оружием Героя Советского Союза Константина Талаха — автоматом № 434. Эту реликвию части вручали лучшим воинам. Перед штурмом города автомат № 434 передал Гаю раненый накануне Михаил Драчев, и Гай Головенский поклялся быть достойным славы этого оружия.

690-й стрелковый полк дрался у северной окраины города. Вслед за отступающими гитлеровцами советские воины ворвались в первую линию траншей. Захлебнулись и смолкли вражеские пулеметы, почти прекратились выстрелы — шел рукопашный бой. Младший сержант Головенский ворвался в траншею одним из первых. Он и его бойцы огнем проложили путь к двум расходящимся в разные стороны ходам сообщения и, пробежав по ним, неожиданно для противника появились во второй линии траншей.

Их было всего десять человек, десять отважных советских воинов. Несколько минут назад, ведя бой в первой траншее, эта десятка отважных в яростной рукопашной

схватке уничтожила 30 гитлеровцев, не потеряв ни одного человека. Теперь они появились во второй линии траншей, в глубине вражеской обороны — десять против 78 немецких солдат и офицеров.

На их лицах была написана такая решимость победить или умереть, их порыв был так стремителен и смел, что враги, в восемь раз превосходящие их числом, стали бросать оружие и поднимать руки. 75 гитлеровских солдат и 3 офицеров взяли в плен войны отделения младшего сержанта Головенского. Этот успех предрешил исход боя, в образовавшуюся во вражеской обороне брешь хлынули роты всего полка, развивая стремительное наступление по направлению к центру города.

На третий день штурма Кенигсберга 690-й стрелковый полк вышел в район зоопарка. Сопrotивление противника усилилось еще больше: каждый дом был здесь превращен гитлеровцами в крепость.

8 апреля 1945 г. младший сержант Головенский, двигаясь впереди своего наступающего батальона, гранатами уничтожил три огневые точки противника — три пулемета вместе с расчетами, засевшими в каменных домах, расположенных севернее зоопарка. Уже близка была цель, уже слышалось могучее русское «ура» родного батальона, когда вражеская пуля сразила отважного комсомольца. Гай Головенский не слышал, как орудия артиллеристов подполковника Редкого снарядами и шрапнелью выметали последних защитников зоопарка. Он скончался в тот момент, когда наши солдаты ворвались

за высокую каменную ограду и завязали бой в аллеях Кенигсбергского зоопарка.

В ночь на 9 апреля перед советскими войсками была поставлена задача — к рассвету занять как можно больше плацдармов на правом берегу Прегеля. Среди подразделений, получивших такое задание, была и группа бойцов 1341-го стрелкового полка 319-й стрелковой дивизии. Бойцы, среди которых находился комсомолец пулеметчик Петр Павлов, начали переправу через Прегель с наступлением темноты. Заметив плывущих через реку бойцов, гитлеровцы открыли по ним ружейно-пулеметный огонь. Некоторые солдаты сразу же повернули обратно, многие были ранены, некоторые утонули.

Павлов плыл впереди всех. Он не видел, как тонули, как поворачивали к нашему берегу его товарищи. Через несколько минут он достиг противоположного берега, не замеченный противником, вышел на сушу с ручным пулеметом и спрятался в подвале разбитого дома.

Всю ночь Павлов провел в подвале, не смыкая глаз. Иногда гитлеровцы проходили так близко, что отчетливо слышались их голоса. Ночь уже близилась к концу, когда снаружи донеслись шум, приглушенная отрывистая немецкая речь. Выглянув из окна подвала, Павлов увидел большую колонну противника, спускающуюся к реке.

Как выяснилось впоследствии из опросов пленных, это был отряд из пятисот офицеров под командой нескольких генералов, который должен был форсировать Прегель

и ночью нанести внезапный удар по советским войскам, сосредоточившимся на левом берегу.

Уверенные в полной безопасности, гитлеровцы стали подходить к реке, беспокоясь лишь о том, чтобы не быть замеченными с противоположного берега. И вот в тот момент, когда все они сбились у самой воды и приготовились к переправе, из узкого окна подвала застрекотал пулемет. Офицеры в первые минуты растерялись: срывался их замысел внезапно нанести удар. Но замешательство вскоре прошло, гитлеровцы перегруппировались и пошли в атаку на дерзкого пулеметчика.

Более часа продолжался этот беспримерный бой. Неоднократно враги почти вплотную подходили к подвалу, занятому Павловым, и каждый раз откатывались назад. К рассвету у Павлова кончились патроны. Тогда он с двумя гранатами в руках выскочил из подвала и швырнул их в атакующих гитлеровцев. Когда дым от взрыва рассеялся, он увидел девять вражеских офицеров, стоявших с поднятыми руками, и бегущих к нему навстречу советских солдат — началась атака наших войск.

Подоспевшие к Павлову на помощь бойцы обнаружили у стен разрушенного дома, в подвале которого оборонялся отважный воин, группы 71 офицера и двух генералов, возглавлявших эту неудавшуюся для гитлеровцев операцию. За этот подвиг 19-летний пулеметчик Петр Егорович Павлов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

9 апреля 1945 г., в 9 час. 30 мин., 5 тыс. орудий и минометов снова открыли сокрушительный огонь по тем кварталам, в которых еще держались гитлеровцы. Около полутора тысяч самолетов наносили непрерывные удары с воздуха.

С наблюдательного пункта командующего фронтом маршала А. М. Василевского было видно, как над горящим четвертые сутки городом взметнулись густые клубы черного дыма. Глухо дрогнула земля на несколько километров вокруг. Маленькие точки самолетов окунулись в гигантское дымовое облако, которое растекалось высоко в небе, роняя пепел и сажу... Казалось, что в центре Кенигсберга начал извергаться вулкан, способный похоронить под слоем раскаленной лавы, камней и пепла остатки домов и толпы обезумевших фашистских вояк.

А в эти минуты берлинское радио в своей утренней передаче сообщало: «Защитники Кенигсберга нерушимо держат оборону. Их боевой лозунг гласит: «Мы удержим крепость». За несколько недель до штурма города «фюрер Кенигсберга» Вагнер, выступая по радио, заявил: «Слабая русская крепость Севастополь держалась 250 дней против непобедимой германской армии. Кенигсберг — лучшая крепость Европы — будет держаться не меньше».

«Фюрер Кенигсберга» ошибся всего на 246 дней: только четверо суток понадобилось войскам 3-го Белорусского фронта для того, чтобы разгромить 130-тысячный гарнизон и овладеть одной из сильнейших крепостей Европы.

Бои на улицах города 9 апреля 1945 г. Гитлеровцы
сдаются в плен

Днем 9 апреля железное кольцо советских войск плотно охватило центр старого Кенигсберга. В других районах города в этот день наши войска дробили и уничтожали разрозненные группы противника, еще оказывающие сопротивление.

Одним из таких очагов сопротивления все еще оставался Кенигсбергский зоопарк, в котором оборонялось более тысячи гитлеровских солдат и офицеров. В подавлении этого очага сопротивления исключительно важную роль сыграли артиллеристы 358-го артиллерийского полка, которым командовал подполковник К. И. Редкий.

Особое мужество и беззаветную храбрость проявили в заключительных боях на территории зоопарка два командира 76-мм орудий коммунисты младший сержант В. Н. Хильчук и старшина А. Е. Черемухин.

Василий Хильчук в бою за зоопарк огнем своего орудия уничтожил минометную батарею, четыре пулемета и взорвал склад боеприпасов противника. Во второй половине дня внутри зоопарка сопротивлялся только один большой трехэтажный дом, наполовину разрушенный снарядами наших орудий. К нему-то и выкатили свои пушки Хильчук и Черемухин. Поставив орудие прямо против дома, младший сержант Хильчук десять выстрелами уничтожил пять пулеметов и более 20 солдат противника. В это же время старшина Александр Черемухин уничтожил шесть вражеских пулеметов и около 20 гитлеровцев.

Когда все пулеметы, установленные в зда-

нии, были уничтожены огнем нашей артиллерии, последние гитлеровцы перебрались в подвал дома и продолжали оказывать бессмысленное сопротивление, ведя огонь из двух уцелевших в подвале пулеметов.

Тогда старшина Черемухин, обойдя дом со двора, по-пластунски подобрался к подвальному окну и швырнул в подвал гранату, подавив оба пулемета и уничтожив 17 солдат противника. Этот эпизод завершил бой за зоопарк, один из последних опорных пунктов гитлеровцев в городе.

Глубоко под землей, в бетонных казематах модернизированного бомбоубежища, размещался штаб гарнизона Кенигсберга. По тесной площади Параденплатц суетливо перебежали офицеры связи и вестовые — посыльные оперативного отдела. Перебежав через площадь, они поспешно ныряли в темную глубину штабного бомбоубежища. После непрерывающегося четвертые сутки гула и грохота в штабном коридоре и двадцати двух служебных комнатах было сравнительно тихо: толстая земляная подушка и двухметровый слой железобетона надежно прикрывали штаб от снарядов и авиационных бомб любого калибра.

В последний день с самого утра радиостанция коменданта крепости генерала Ляша ловила сплошные просьбы, требования, мольбы и заклинания командиров различных частей гарнизона. Однако Ляш ничем не мог помочь своим обреченным на уничтожение солдатам. Утром он еще на что-то надеялся, но когда в его кабинет почти вбежал офицер с обезумевшими глазами, оборван-

ный и обожженный, и прокричал каким-то совершенно неестественным голосом, что русские на Принцессинштрассе, генерал понял: это конец... Принцессинштрассе — это триста метров от штаба, это совсем рядом, это всего два квартала.

Несколько позже пленный немецкий полковник Гедоке рассказал на допросе, что в 14 часов 9 апреля в штаб Ляша пробрались местные фашистские руководители, чтобы обсудить создавшееся положение и попытаться заключить хотя бы кратковременное перемирие. Однако события развивались так быстро, что к 16 часам генералы и старшие офицеры штаба уже соглашались на безоговорочную капитуляцию. Соглашались капитулировать немедленно, на любых условиях, лишь бы прекратить наконец этот ад.

В 17 часов через передний край обороны прошли немецкие офицеры полковник Хефен и подполковник Кервин с белым флагом. Через четыре часа после этого немецкий полковник с белым флагом возвратился обратно. Вместе с ним шли советские парламентарии подполковник П. Г. Яновский, капитан А. Е. Федорко и переводчик штаба армии капитан Шпитальник. Шествие замыкали два советских автоматчика.

Группа перешла передний край немецкой обороны и по горящим улицам направилась к штабу генерала Ляша. Немецкие солдаты при виде советских парламентариев бросали на землю оружие и поднимали руки. Немецкий полковник сначала пытался было требовать от них соблюдения дисциплины, потом безнадежно махнул рукой и молча по-

шел вперед, не глядя по сторонам, стараясь сделать вид, что все происходящее не имеет к нему никакого отношения.

Примерно через полчаса парламентареры вышли на площадь. Красивые большие дома, богато отделанные лепными украшениями, уже догорали. Багровые языки огня лениво плескались в оконных проемах верхних этажей. У разрушенного здания Кенигсбергского университета догорала штабная машина, со стороны королевского замка и главного городского почтамта тянуло гарью и едким пороховым дымом. Через несколько минут советские парламентареры подошли к входу в блиндаж генерала Ляша и по узкой бетонной лестнице спустились в подземелье. Они увидели узкий, длинный коридор, по обеим сторонам которого теснились напуганные штабные офицеры.

Когда советские парламентареры вошли в кабинет командующего кенигсбергским гарнизоном, он сидел в высоком вольтеровском кресле у стены, завешенной большой медвежьей шкурой. Это был плотный сорокапятилетний человек среднего роста с бледным отечным лицом. Увидев советских офицеров, он встал и молча выслушал условия капитуляции.

Советское командование соглашалось принять полную, безоговорочную капитуляцию всего гарнизона, гарантируя сдавшимся жизнь, достаточное питание, медицинскую помощь раненым и возвращение на родину после окончания войны.

Ляш молча подписал акт и приказал передать текст документа по радио, предложив

всем частям гарнизона немедленно бросить оружие и сдаться в плен.

Генералы и офицеры штаба вместе со своим командующим вышли наверх. Следом за ними четыре ординарца вытащили тяжело нагруженные чемоданы и под конвоем двух советских автоматчиков угрюмо побрели через площадь, на которой уже собирались группы безоружных солдат, оглохших от внезапно наступившей тишины...

На допросе в штабе маршала А. М. Василевского Ляш был очень немногословен. Отвечая на вопрос о причинах такого скорого поражения, он сказал: «Мы полностью потеряли управление войсками. Выходя из укрытий на улицу, чтобы связаться со штабами частей, мы не знали, куда идти, совершенно теряя ориентировку: так разрушенный, пылающий город изменил свой вид... Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кенигсберг, падет так быстро. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию. Под Кенигсбергом мы потеряли всю сотысячную армию».

Всю ночь при свете прожекторов, автомобильных фар и искусственных факелов шли по кенигсбергским улицам бесконечные колонны пленных.

Ранним утром 10 апреля стрельба в разных концах города стала стихать. Только со стороны Литовского вала все еще доносились сухой треск пулеметных очередей и редкие орудийные выстрелы. Это гарнизон форта «Дер-Дона» еще продолжал совершенно

Командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор С. С. Гурьев допрашивает генерала Ляша, командующего кенигсбергским гарнизоном

бессмысленное сопротивление. К 10 часам стрельба утихла и в этом районе.

Из распахнутых настежь ворот Росгартентор у узких дверей внутреннего двора последнего кенигсбергского форта с поднятыми вверх руками стали выходить вражеские солдаты и офицеры. Четыреста человек вышли из каменных казематов «Дер-Дона». И когда они, построившись в колонну, пошли к сборному пункту пленных, на четырехугольной зубчатой башне форта взвился красный вымпел — Знамя Победы Советской Армии над поверженным в прах Кенигсбергом.

А через несколько дней после того, как были подведены итоги боев за город, во всех газетах Советского Союза была помещена краткая сводка Советского информбюро о том, что за время боев в Кенигсберге наши войска взяли в плен 4 немецких генерала, 1824 офицера и 92 тысячи солдат. «Наши войсками,— говорилось далее,— взяты следующие трофеи: орудий и минометов около 4000, пулеметов 4673, танков и самоходок 89, бронетранспортеров 119, бронепоездов 2, автомашин 8560. Кроме того, наши войска захватили сотни тысяч винтовок, пистолетов и автоматов, 774 паровоза, 8544 вагона, 146 катеров и барж, 137 тракторов и тягачей и массу другого военного имущества».

За четыре дня штурма Кенигсберга более трехсот советских воинов совершили подвиги, за которые они были удостоены звания Героя Советского Союза.

В небольшой брошюре невозможно рассказать обо всех героях беспримерного штурма, ибо их были десятки тысяч. Только о некоторых из них, о храбрейших из храбрых, мы здесь рассказали.

Исключительный героизм проявляли воины всех родов войск, представители всех братских народов нашей страны. Десятки тысяч воинов были награждены боевыми орденами и медалями за мужество, стойкость и бесстрашие, проявленные во время штурма прусской столицы. Но не только на гимнастерках и мундирах солдат, сержантов, офицеров и генералов засияли после падения Кенигсберга новые ордена и медали.

Кенигсберг пал. Советские воины на главной площади города у стен Королевского замка. 10 апреля 1945 г.

Они были прикреплены и к полотнищам овечьих славой знамен.

Десятки полков, бригад, дивизий и корпусов за штурм Кенигсберга были удостоены высоких правительственных наград и получили название «Кенигсбергских». Советская Родина отметила достойных своих сынов почестями и наградами.

В ознаменование победы, одержанной под Кенигсбергом, Президиум Верховного Совета

СССР учредил медаль «За взятие Кенигсберга», которой были награждены все участники боев за столицу Восточной Пруссии.

Родина почтила память и тех из них, кто не дожил до светлого часа победы и отдал свою жизнь за свободу и счастье нашего народа.

30 сентября 1945 г. под скорбные звуки траурного марша и грохот артиллерийского салюта советские солдаты, офицеры и генералы отдавали последние воинские почести своим павшим товарищам.

Мимо 26-метрового гранитного обелиска, напоминавшего пятигранный штык, стоящий на звездном основании, проходили ветераны боев, участники героического штурма, вписавшие в летопись великой победы одну из самых героических, самых ярких страниц. Они проходили у подножия обелиска и читали на всех пяти гранях величественного памятника торжественные слова, выбитые твердой рукой камнереза-солдата:

«Вы прославили Советскую Родину,
И Родина будет славить вас вечно».

«Отечество воспитало вас героями,
И геройски бились вы за Отечество».

«Ваше мужество было беспримерным,
Ваша воля была непреклонной,
Ваша слава — бессмертна!»

После взятия Кенигсберга в Восточной Пруссии оставалось девять вражеских дивизий на Земландском полуострове, занимавших оборону на подступах к военно-морской базе Пиллау. Стремясь избежать ненуж-

ного кровопролития, маршал Василевский 12 апреля обратился к немецким войскам с предложением капитулировать. Гитлеровское командование не приняло этого предложения. Тогда на следующий день четыре армии 3-го Белорусского фронта перешли в решительное наступление.

Во время наступательных боев смертью героя пал младший брат героини Великой Отечественной войны Зои Космодемьянской — Александр Космодемьянский. Командование части, в которой служил гвардии старший лейтенант Космодемьянский, направило его матери письмо, в котором рассказывалось о его боевых делах:

«В боях за Кенигсберг самоходная установка Саши Космодемьянского 6 апреля первой форсировала водный канал в 30 метров и открыла огонь по противнику, уничтожив артиллерийскую батарею, взорвала склад с боеприпасами и истребила до 60 гитлеровских солдат и офицеров.

8 апреля он со своей установкой первым ворвался в укрепленный форт «Королева Луиза», где было взято 350 пленных, 9 исправных танков, 200 автомашин и склад с горючим...

Он погиб вчера (13 апреля) в боях за населенный пункт Фирбрудеркруг, западнее Кенигсберга. В числе первых Ваш сын ворвался в этот населенный пункт, истребил до 40 гитлеровцев и раздавил 4 противотанковых орудия. Разорвавшийся вражеский снаряд навсегда оборвал жизнь дорогого и для нас Александра Анатольевича Космодемьянского».

Мемориальная доска на месте гибели Героя Советского Союза А. А. Космодемьянского (8 км западнее Кенигсберга)

Именем Героя Советского Союза Александра Космодемьянского назван сейчас один из городских поселков Калининградской области.

В ходе ожесточенных боев с 13 по 25 февраля войска фронта разгромили земландскую группировку врага и овладели военно-морской базой Пиллау — последним оплотом гитлеровцев в Восточной Пруссии. После этого десанты Краснознаменного Балтийского флота совместно с пехотными частями высадились на косу Фриш-Нерунг и к 30 апреля полностью очистили ее от гитлеровских войск.

Так завершилась Восточно-Прусская операция советских войск — одно из крупнейших сражений последнего периода Великой Отечественной войны.

Рича
Вилчюбас Кат
11-11 -

Лайтане Милбас

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В июле 1945 г. в маленьком городке Потсдаме неподалеку от Берлина, состоялась конференция глав правительств трех великих держав, союзников по антигитлеровской коалиции. Конференция решила ликвидировать провинцию Восточная Пруссия, передав две трети ее территории Польской Народной Республике, одну треть — Союзу Советских Социалистических Республик.

В апреле 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о включении новой территории в состав Союза Советских Социалистических Республик. В июне новая область была переименована в Калининградскую, а город Кенигсберг — в Калининград.

В новую советскую область площадью 15,8 тыс. кв. км по призыву Коммунистической партии поехали тысячи советских людей, чтобы восстановить ее хозяйство, совершенно разрушенное войной. За короткий срок жители молодой области добились больших успехов в развитии промышленности, сельского хозяйства, строительства и культуры.

В настоящее время Калининградская область — это хорошо развитый район со сложным многоотраслевым хозяйством. В области

вырабатываются сейчас самые различные изделия, выпускается самая разнообразная промышленная продукция. Ведущей отраслью народного хозяйства области является рыбная промышленность. Далеко от родных берегов добывают рыбу калининградские рыбаки. Их суда бороздят просторы суровой Северной Атлантики у черных обрывистых скал Фарерских островов и покрытых льдом гор Исландии. Они пашут голубую целину океана у островов Зеленого мыса под палящими лучами экваториального африканского солнца, добывая сардину. Они идут за морским окунем к штормовым широтам Ньюфаундленда. Они бьют китов у берегов Антарктиды. Миллионы центнеров рыбы дает стране Калининградская область, десятки миллионов банок консервов выпускают ее консервные комбинаты.

Кроме хорошо развитой рыбной промышленности и мощного рыболовецкого флота область имеет много машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий, несколько целлюлозно-бумажных комбинатов, большое количество предприятий пищевой промышленности.

В нашей стране и за рубежом известны саморазгружающиеся вагоны-самосвалы, автопогрузчики, башенные краны, прожекторы, драги, высококачественная бумага и целлюлоза, выпускаемые заводами, фабриками и комбинатами Калининградского совнархоза.

Самоотверженный труд советских людей в корне изменил облик новой области. Из пепла и руин поднялись города, ожили ранее безлюдные деревни и хутора. В настоящее

время в области работает более 200 клубов и домов культуры, более 500 школ, два института, несколько техникумов и специальных средних учебных заведений. Огромный размах приняло жилищное строительство. На всю страну славятся приморские здравницы Калининградской области — санатории и дома отдыха.

Немалых успехов добились и труженики сельского хозяйства. Калининградская область неоднократно выходила победителем в социалистическом соревновании среди областей Северо-Западной зоны РСФСР, завоевывала переходящие знамена Совета Министров Российской Федерации.

Усилиями советского народа Калининградская область превращена в форпост мира на западных рубежах нашей Родины. Отсюда отправлялся с визитом мира и доброй воли Никита Сергеевич Хрущев в Англию. Отсюда начинал свой исторический рейс турбоэлектроход «Балтика», на котором глава нашей партии и правительства отправился на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН для того, чтобы еще раз восторжествовали идеи мира, социализма и дружбы между народами.

Тысячи героев — наших современников, живущих сегодня в городах и селах Калининградской области, своим неустанным трудом крепят могущество Страны Советов. Они продолжают славные традиции героев, о подвигах которых рассказано в этой брошюре. Они являются достойными хранителями и наследниками этой бессмертной славы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
<i>Глава первая.</i> Полки идут по дорогам Восточной Пруссии	9
<i>Глава вторая.</i> Кенигсберг — город-крепость	30
<i>Глава третья.</i> Полки поднимаются на штурм	50
<i>Глава четвертая.</i> Бои в городе	81
Заключение	125

Вольдемар Николаевич БАЛЯЗИН
ШТУРМ КЕНИГСБЕРГА

М., ВОЕНИЗДАТ, 1964. 128с.

Редактор полковник *Алексеев М. А.*

Художник *Васильев В. В.*

Технический редактор *Слепцова Е. Н.*

Корректор *Морозова В. Д.*

Сдано в набор 26.3.63 г. Г-92518 Подписано к печати 29.10.63 г.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂ — 4 печ. л. = 4,68 усл. печ. л.
4,584 уч.-изд. л.

Тираж 60 000. ТП 1963. № 97

Изд. № 2/4384

Цена 14 коп.

Зак. № 643

2-я типография Военного издательства
Министерства обороны СССР
Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10